

ИЗ
ОСЕТИНСКОЙ
ПОЭЗИИ
ПЕРЕВОДЫ
ЛЬВА
ОЗЕРОВА

ПОДНИМАЯСЬ НА ПЕРЕВАЛ

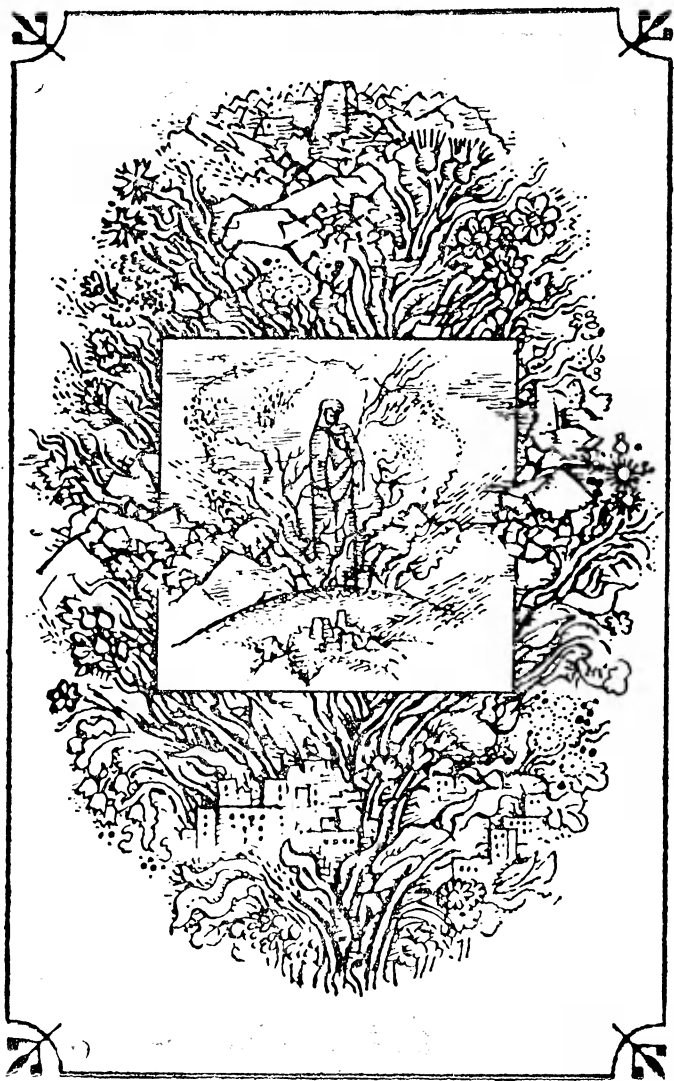

ОРДЖОНИКИДЗЕ • 1981

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Ир»

ПОДНИМАЯСЬ НА ПЕРЕВАЛ

ОРДЖОНИКИДЗЕ • 1981

84Осет
С (Осет)
П44

ПОЭТЫ :

КОСТА ХЕТАГУРОВ, НИГЕР, ХАРИТОН ПЛИЕВ, ДАУТ ДАРЧИЕВ, ГЕОРГИЙ КАЙТУКОВ, ГАФЕЗ, ГРИШ ПЛИЕВ, МАКСИМ ЦАГАРАЕВ, БОРИС МУРТАЗОВ, АЛЕКСАНДР ЦАРУКАЕВ, МИХАИЛ ЦИРИХОВ, ГИГО ЦАГАРАЕВ, СЕРГЕЙ ХУГАЕВ, МУЗАФЕР ДЗАСОХОВ, АХСАР КОДЗАТИ, ВАСО МАЛИЕВ, ШАМИЛЬ ДЖИКАЕВ, КАМАЛ ХОДОВ.

70403—68
П—————41—81
М131(03)—81

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Мой широковетвистый род знал людей, еще задолго до революции побывавших в Осетии. Их живые рассказы передавались из уст в уста, западали в мою душу. Западали одновременно со строками русских поэтов и прозаиков, проехавших по горным дорогам Ира.

Все это укрепилось во мне в годы ученья в Москве, когда в общежитии и в аудиториях Института истории, философии и литературы собирались студенты разных национальностей, и среди них — осетины: Татари Епхиев, Тотырбек Джатиев, Харитон Плиев. Как нежно и ярко вплеталась их осетинская мелодика в мелодику казахов и армян, украинцев и грузин! Все мы были горды этим естественно сложившимся интернациональным братством. Александр Твардовский, Георгий Кайтуков, Алесь Жаврук, Вано Джапаридзе, Лорис Овсепян, Сергей Наровчатов, Федор Видясов, Семен Гудзенко, — у нас был общий язык — язык дружбы.

Конечно, не один раз мы слушали «Додой» Коста Хетагурова, напевали «Тауче», читали новеллы Дабе Мамсурова «Говорят башни». До нас доходили в пересказе нартские сказания, легенды, кадаги, поговорки, притчи.

Обычаи народа узнавали в застольных бе-

седах. Неизменно цитировался Коста Хетагуров, которого называли нежно и только по имени — Коста. Мы произносили название его книги по-осетински «Ирон фандыр». В наших глазах Коста возникал как национальный осетинский поэт не только всесоюзного (рядом с Некрасовым, Шевченко, Абаем), но и мирового значения. Позднее мы узнали о других творцах осетинской литературы, о художниках и музыкантах, актерах и зодчих.

В середине тридцатых годов я перевел стихотворение об орле, стихотворение моего институтского друга Георгия Кайтукова. Оно было напечатано в «Литературной газете».

В ту далекую студенческую пору мы называли его Джеор — по-осетински, а некоторые в шутку — Джордж-Гордон, намекая на Байрона. Он совмещал в себе знатока философии, главным образом марксистской, и шутника-балагура из народа, импровизатора-сатирика и песенника, оратора и спорщика. Джеор долго и решительно звал меня в Осетию. Когда я приехал в Орджоникидзе, он на рассвете встретил меня и просто и проникновенно сказал: «Ну вот, ты на земле нашей Осетии...»

В первое время в Москве Георгий тосковал по дому, но потом стал заправским москвичом. А вот Харитон Плиев заправским москвичом не стал. Невообразимо тосковал по Осетии. В его добрых глазах светилась трогавшая до глубины души тоска по родному селенью Верхний Рук, по Орджоникидзе, по ущельям, где он знал каждый поворот дороги. Харитон так и не окончил ИФЛИ, в 1936 году вернулся в Осетию. Его мы называли

Хадю. Он был лиричен в каждом своем жесте. И читал он с такой душевностью, что печальная музыка его строк запечатлелась надолго. Тогда же, в начальную пору нашей поэтической жизни, помню, был вечер осетинской поэзии в помещении Камерного театра (ныне — театр Пушкина), на который мы пришли вместе с Сергеем Городецким. Сергей Митрофанович, чье имя связалось с именами Блока и Есенина, с подъемом читал свои переводы и признавался в своей любви к Осетии.

В седьмой книжке журнала «Молодая гвардия» за 1936 год была опубликована моя подборка из стихов осетинских поэтов, начинающаяся, естественно, с Коста Хетагурова. Вспоминаю, принес в журнал эту подборку. Отделом поэзии в ту пору ведал Владимир Луговской. Я знал его по портретам. Красивый, статный. Он басовым голосом предложил мне подождать до конца разговора с неизвестным мне молодым человеком. Говорили они, мне показалось, долго. Собеседником Луговского, как я узнал, был Константин Симонов, начинавший свою работу в литературе.

Мои переводы из осетинской поэзии в дальнейшем публиковались в «Правде» и «Новом мире», «Литературной газете» и «Литературной России», «Советской Осетии» и «Доне», в многочисленных авторских сборниках Гриши Плиева и Георгия Кайтукова, Бориса Муртазова и Даута Дарчиева, Михаила Цирихова и Музафера Дзасохова. Таким образом, прежде чем попасть в эту книгу, многие переводы прошли через периодику и радио.

Они звучали на литературных вечерах в Москве и Орджоникидзе. Естественно, исправлялись при внимании авторов и читателей. Всем им приношу искреннюю признательность.

Возвращаюсь мысленно и на короткое время к той встрече с Луговским в 1936.

— Осетины — это хорошо, — сказал Владимир Александрович. — Мы их плохо знаем. Одно-два имени. Переводите сверстников, молодых поэтов. И приносите. Мы — молодежный журнал.

Из Осетии я увозил мешок стихов и переводов, а главное — уйму впечатлений от встреч с людьми, от поездок, от увиденного и услышанного. Вел записи, но больше запоминал. Некоторые свои впечатления я изложил в очерках и статьях, появившихся в республиканской и всесоюзной прессе. Мне приходилось писать об осетинских поэтах не только в связи с юбилеями, но, главным образом, в связи с новыми изданиями их произведений. Так, долговременная работа над переводами стихов и поэм Бориса Муртазова подказала мне очерк об этом поэте — своего рода портрет, который стал предисловием к его книге избранных стихов, вышедшей в серии «Библиотека советской поэзии» (издательство «Художественная литература»).

Об Осетии, об осетинской поэзии в разное время беседовал с Тычиной (особенно, когда он писал о Коста), Городецким, Либединским, Атаровым, Фадеевым и особенно с Тихоновым. Увлеченный и неутомимый рассказчик, демон застольной беседы, он говорил о Военно-Осетинской дороге, Садоно-Унальской котловине, Буроне, Цее, Зарамаге, Наре, Ма-

мисоне. Вслед за Тихоновым я входил в Куртатинское ущелье, в селенье Кобан, в «городок мертвых» (много позднее я встречался с жителями этого селенья, и они с удовольствием вспоминали Тихонова, посетившего их места, дышащие более чем двухтысячелетней древностью). Тихонов рассказывал мне о Татартупском минарете XIV века близ селения Эльхотово, описанном Пушкиным в «Путешествии в Арзрум» (здесь теперь ежегодно в день рождения поэта в конце мая—начале июня проводится Пушкинский праздник). Из его уст я услышал теплые слова об осетинской поэзии, прежде всего о Коста Хетагурове, жизнь и творчество которого он знал прекрасно.

Чтение книг по истории и культуре Осетии дало много. Но всего важнее было своими глазами увидеть страну, ее людей, пройти и проехать по ее дорогам, оказаться в горах под звездным небом со своей душой, услышать песню, побывать на свадьбе, в мастерской народного художника, наклониться над источником, посидеть на камне, согретом утренним солнцем, заглядеться на старинную башню... Об этом я писал в стихах и в прозе. Здесь скажу только, что знакомство со страной было лучшим введением в искусство перевода. То, что недосказали поэты в стихах, которые я взялся переводить, договорила страна, народ, его прошлое и настоящее.

Нартский эпос внушает гордую мысль о силе духа творцов народной поэзии, о мощных, изваянных из скал характерах, о красоте и роскошестве вымысла.

По мотивам нартского эпоса я написал не-

сколько облюбленных мною сказаний, из которых здесь предлагается читателю одно — об Агунде и Ацамазе — «Золотая свирель». Это не перевод, а современное переложение, еще точнее — подражание, «по мотивам». Золотая свирель Ацамаза и приключения с нею дали мне возможность поэтически пересказать древний сюжет современными русскими стихами, перемежаемыми прозой. Мне представляется, что в сокровищнице нартского эпоса художнику можно найти неоценимый материал для своего творчества.

Сюжеты, характеры, образы, мысли, почерпнутые из народных сказаний, доселе вдохновляют мастеров разных видов искусств: поэтов, драматургов, прозаиков, художников, музыкантов. Знаю это по своему опыту. В моей рабочей комнате прямо перед глазами висит чудесное произведение осетинского художника — чеканищика Владимира Кцоева, изобразившего пышнокудрую Агунду в час рассвета. Она и солнце над горой. Солнце и героиня эпоса. Пластина латуни покоится на трех параллельных досках, создавая впечатление реальности и сказочности в их единстве.

Этот образ всегда передо мной, о чем говорит и мое послание художнику:

В каком материале изваян восторг?
Металл передаст ли, как любим и дружим.
Забрызган лучами нагорный восток,
Ощерились травы аланским оружием.

Отвергнуто золото и серебро.
Воспеты и горцы, и горы, и реки,—

Чеканищик приветно сулит мне добро,
И сердце ответно поет в человеке.

Раздумья над эпосом привели меня к Косте Хетагурову. Путь к переводам его стихов и поэмы «Кто ты?» был не прост. Я вчитывался в старые переложения, знакомился с жизнью и деятельностью поэта, неоднократно выступал со статьями о нем, участвовал в подготовке трехтомного собрания его сочинений. Наконец, до переводов я попытался написать цикл «На мотивы Коста».

Это не переводы,—
Перепевы — куски
Горной породы,
Гордой чужой тоски.

В стихотворениях «Прости мне, если песня эта», «Гость наших гор и жилища», «Есть котомка и есть арчита», «Что за птица ты, синица?» и других слышатся явные отголоски Коста. Ему же посвящены стихотворения «После чтения «Ирон фандыр» и «Зачем им Вальтер Скотт?» Следование Коста доходило до прямого цитирования оригинала, который служил и служит переводчику камертоном в его работе.

О мае хуры хай,—
Азар-ма, чызгай!..
Солнце, небеса,—
Пой, моя краса!

Читатель должен знать, что перед ним не антология, призванная объективно и масштабно представлять поэзию Осетии. Перед ним отчетный сборник одного из переводчиков. Это дает право на субъективность в выборе

авторов и их произведений. Многие, достойные войти в эту книгу осетинские поэты, к сожалению, остались вне ее. И еще. Количество переведенных стихотворений того или иного из поэтов не надо ставить в зависимость от его места в литературе. Так сложилась творческая судьба переводчика, что он одного достойного автора переводил больше и чаще, а другого, не менее достойного, меньше и реже. Но я выражаю надежду, что мне еще посчастливится поработать над продолжением этого сборника, над пополнением его состава.

Начав переводить осетинских поэтов еще в середине тридцатых годов, я в своем архиве недосчитываюсь текстов, которые могли бы войти в эту книгу. Переезды, дороги жизни, дороги войны... Не будем предаваться поздним сожалениям. Скажем только, что переводы из Цомака Гадиева, из Андрея Гулуева, из Харитона Плиева, просмотренные им самим, пропали, очевидно, безвозвратно... Их надо творить заново.

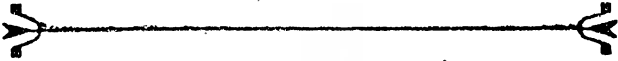
Заново! Творчество — это всегда заново. И самое благое для переводчика дело — работать, оставаясь наедине с оригиналом.

Но как бы долго ни длилась эта сосредоточенная работа, наступает миг, когда надо показать ее читателю. Вот и я, поддерживаемый осетинскими друзьями, рискну предстать перед судом читателя, попытаюсь показать свою скромную, долговременную работу. Всего лучше, если я здесь остановлюсь для того, чтобы слышней были голоса осетинских поэтов, представленных в книге.

Лев ОЗЕРОВ

СТИХИ

КОСТА ХЕТАГУРОВ

* * *

Если б запеть мне, как нарту, умело,
Если б звучал до небес мой фандыр,
Я бы позвал всю вселенную смело,
Пусть мое горе услышит весь мир.

ПРОЩАЙ!..

Всем снаряжен я: арчита*, котомка,
Пояс из прутьев скрутил я, как мог,
Палка со мною, в отрепьях шубенка...
Впору прощаться нам... Путь мой далек...

«Прочь!» — ты давно говорила глазами,
Взглядом тебя я пугаю давно.
Сердце твое я услышал и замер:
Стон потаенный мне слышать дано.

Свет мой, прощай!.. Больше видеть не будешь,
Благ от скитальца не следует ждать.
Знаю, что завтра мой взгляд ты забудешь,
А послезавтра забудешь как звать.

Может, припомнится вдруг, как в тревоге
Жил горемыка, мечтал, одинок.
Может, приснится тебе, как в дороге
Кто-то ступает за смертный порог.

* Арчита — горская обувь из сыромятной кожи.

Ты не пугайся! За сном этим следом
Счастье придет к тебе, горе губя.
Кто-то возьмет на себя твои беды,
Кто-то отдаст свою жизнь за тебя.

В спутницы кланчу судьбу нашу злую,
Может быть, с нею пойду я за край
Жизни, и с нею же гибель найду я..
Не убивайся!.. Прощай же, прощай!..

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

У людей — простор огромных
Комнат, свет, тепло и лад.
А у нас в пещерах темных
Дети с голоду кричат.

У людей — пиры, удачи,
Свадьбы — мир вокруг поет.
А у нас истощено плачет
Над усопшим тощий кот.

У людей — мясные туши
Провисают с потолка.
А у нас — мышей летучих
Крылья виснут,— вот тоска.

У людей не смеет за год
Мельница зерна поток.
А у нас достатка на год —
Лишь один зерна совок.

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Когда б с порога песнею
Я обратился б к вам:

«Хадзаронта, хозяева,
За вас я жизнь отдам!»

Когда бы ты на голос мой
Вдруг вышла на порог,
Чтоб на тебя одним глазком,
Мой свет, взглянуть я смог.

Когда бы ты явила мне
Улыбку чистоты,
Когда бы ты с доверием
Спросила б: «Кто же ты?»

Тогда бы, взявши за руку,
Сказал тебе в ответ:
— В тебя влюбленный, любящий,—
Тот самый я, мой свет!

БЕЗ ПАСТУХА

Стадо блуждает? На путь и на свет его
Добрый направит пастух,
Горе тебе, молодежь наша,— нет того,
Кто укрепил бы твой дух.

В лес забрела ты, в дремучем запуталась,
Глупо живешь, без мечты,
И разбрелась и плутаешь, как будто бы
Стадо голодное ты.

Если бы песню призыва бессонную
Спел твой пастух в добрый час,
Если бы он тебя сделал сплоченною,
От разобщенности спас...

Вот так, в лесу, в дремучем, в глуши,
Вот так, в лесу, в дремучем, в глуши,

ПРИВЕТ

Благословенья бог нам не дал
И от неволи нас не спас,—
О том, как должно, не поведал
Никто, никто — прости же нас.

Бедны и ум, и сердце, право.
Устал, бессилен наш язык.
Твоей безмерной жалко славы
Для наших гор — ты так велик.

Ты благостен, и мудр, и смел ты.
Ста жизням жизнь твоя равна.
Все на земле свершить успел ты,
Ты строил — башня создана.

А-ЛОЛ-ЛАЙ

Колыбель легко качаю.
Светит месяц, напеваю:
Милый, вырастай!
А-дол-лай!..

Может статься, выйдешь в люди
И моим кормильцем будешь
На закате лет,
О мой свет!

Стала жизнь у нас позорной.
От работы горской, черной
Твой отец устал.
Ты бы спал!

Если вырастешь, то, мучась,
Повторишь отцову участь

Ты живи, мужай!
А-лол-лай!..

Обувал бы ты арчита
И возил бы ты макита* ,--
Так влачил бы дни.
Спи, усни!

Мне дрова носил бы, может...
Сердце матери поможет
От горючих бед.
О, мой свет!..

Вырастай ты и мужай ты!
После нас не покидай ты
Наш родимый край.
А-лол-лай!..

ДУМА ЖЕНИХА

Моя краса,
Огни-глаза...
Тебя мне лучше б не встречать!..
С красой такой,
С такой игрой...
Как одинокому молчать?!
Глаза твои,
Слова твои
По сердцу бьют, и все больней.
О, как мне быть?
Как дальше жить?
Мне стать бы жертвою твоей...

* Макита — сплетенное из хвороста приспособление для перевозки сена зимой в горах.

КТО ТЫ!

Не спрашивай, кто я.
Ведь ясно, как день,—
И это не скрою,—
Что я не уздень.

Рубаха — холстина,
Черкеска, бешмет,—
Для горского сына
Наряднее нет.

Арчита, заботы
Несносного дня.
Спросил меня: кто ты? —
Так слушай меня.

Родился в горах я.
А где? Назову.
На свет я без страха
Явился в хлеву.

Роженица вместо
Сырого угла
Привычнее места
Найти не могла.

Проклятьем суровым
С тех пор надо мной:
Кто доброе слово
Промолвил больно?

Все словно исчезли
В тот бедственный час.
Никто от болезни
Родную не спас,

Отец одиноко
Ругает житье.
Наказан жестоко
Он смертью ее.

Вскормлен я другою,
Что день изо дня,
Не зная покоя,
Растила меня.

А дни непогожи:
Там горькой порой
Год первый я прожил,
И прожил второй.

Потом с упоением
Скитался, упрям,
То с пляской, то с пеньем
По многим пирам.

Отца вспоминаю.
Он не был мне рад.
Его называю,
Прости мне, Хамат.

Женился он снова,
И с этого дня
Приличного слова
Не слыхивал я.

Узнал, что такое
Власть злобной руки,
Чья ласка — побой,
Гостинцы — пинки.

Охота швыряла
Отца по горам,

А мать побиралась
По разным дворам.

Охотничье дело —
На смертном пути.
На кладбище — тела
Отца не найти.

Скитался по свету —
Светло или мгла...
Разбился он где-то! —
Вдруг весть к нам дошла.

Жена погрустила
И вскоре потом
Продать поспешила
И землю, и дом.

Проела и — крышка.
Ведь взрослым видней!
Как мог я, мальчишка,
Указывать ей!

Совсем без призора
Остался, пострел,—
Мне десять. Как скоро —
Хоть плачь! — повзрослел.

А мачеха тут же
(Лишь год прождала)
Нашла себе мужа,
За ним и пошла.

В соседстве неблизком
Средь новых забот
Теперь в Алагирском
Ущелье живет.

— Живи, ты свободен.
Умрешь, не беда! —
К какой я был годен
Работе тогда?

— Как хочешь! — сказала.
Я помню сейчас:
Ягнят поначалу,
Голодный, я пас.

Постель моя — травы...
Батрак среди дел,
Задиристо, право,
«Да-да-дай» я пел.

Подпасок примерный,
Я стал пастухом.
Мне по десять мерок
Платили зерном.

Котомка да шапка,
Да хлеба кусок,—
В накидке не зябко,
Работай, дружок!

Ругали, пороли,—
Я все испытал!..
Но все же порою
«Да-да-дай» певал.

И вот мне шестнадцать —
Мужчина, у дел.
Успел наиграться,
Поспать я успел.

Косарь. я плечистый, —
Крутая рука.
Размашисто, чисто
Побрею луга.

Иду — не удержишь, —
Косою звеня.
Но где они, где же
Луга у меня?

Земля моя, где ты?
Не видно ничуть.
Запродана, нету.
Кого попрекнуть?

Батрачил, отчаясь,
Я до двадцати.
Чего не встречалось
На этом пуги?

Силен был и кряжист,
И крепок мой шаг...
Любую нес тяжесть,
Как истый ишак.

Знал дело любое:
Как ткал я сукно!
Шитье золотое
Освоил давно.

Иглой, как портниха,
Я лихо владел...
Работая, тихо
«Да-да-дай» я пел.

А сердце... Покоя
Ему не дано.
Скажи: ты плохое! —
Поверит оно?

Играет лучами
Порою дневной
И любит ночами
Скитаться с луной.

И слышит — откуда? —
Свободы призыв.
И кровь — не причуда —
Кипит в нем. Порыв!

Краса длиннобровой
Смутила юнца.
Ни крепкого слова,
Ни просто словца.

Меня закачало,
И кружит опять.
Не видно начала,
Конца не видать.

Увижу — отрада...
А вот иногда
От этого взгляда
Мне гибель, беда.

Дичился, молчал я,
Работу губя,
Судьбу проклинал я,
Бежал от себя.

От всех отгорожен,
Шел трудной тропой.
Гей, сердце, кто может
Бороться с тобой?

Зачем мне светила
Среди бела дня?
Зачем проходила
Ты мимо меня?

Само простодушье,—
Ты скрытно добра.
Ведь я без оружия,—
К чему ж кобура?

Зачем издалека
Беседу веду,
Печалью жестоко
Тревожу мечту?

Обвалы — заботы
Зимой нам страшны.
А осень — работы...
Что ж краше весны?

Земля — как ликует!
Светлы небеса.
Трава! Не ворует
Соломы коза.

И реки желтеют,
И горы черны,
И птицы смелеют
От чувства весны.

Все жарче, все злее
У сердца запал.

Эй, парень, живее!
Куда ты пропал?

Похвастался силой?
Смири свою кровь.
Родителям милой
Калым приготовь.

Достаток батрачий...
Готов мой калым.
Он собран, а значит —
Не медли ты с ним.

Мой конь — чего ж проще? —
Соль ел у меня
С ладони, — для тещи
Купил я коня.

Но вот... Что же было
Причиной тревог?
Отец моей милой
Не только лишь строг, —

Он высокомерен
Всегда с батраком.
Сырдоном и зверем
Входил он в свой дом.

Всем рот затыкает,
Словца не сказать...
А девушка тает,
В отчаянье мать..

В согласье мы с нею
И с нами — она.
Отец же все злее,
Медведь! Сатана!

Клал жертвы я богу —
Не принял их бог.
А сердце — тревоги
И боли комок.

Кого послать сватом?
Кто время найдет
Для нищего брата,
Для брата невзгод?

Кого послать сватом?
Кто сможет помочь?
Медведь грубовато
Прогонит всех прочь.

Пойти мне? Но чую,
Что все загублю.
А вдруг не смолчу я?
Вспылю — не стерплю.

Какне-то сваты
Сидят у отца.
Мать в гневе и свято
За нас до конца.

А дочь безутешна,
Рвет волосы дочь...
И все — безуспешно...
Мне ей не помочь!

Но все ж и намердни
Взывала ко мне:
— Ты где же? Немедля
Явись, хоть во сне!

Такие заботы!
Вот вся моя быль.
Спросил меня: кто ты? —
Отвечу: бобыль!

СИНИЦА

Синица-сестрица,
Так где ж ты зимой?
Просторы и горы
Не кличут домой?

Вот жребий — пить в небе
Всю синь высоты!
Мечтал бы, желал бы
Жить вольно, как ты!

ЛЕТО

Поспела, дозрела
Морковка — сочна.
Корзины малины
Уносят — красна.

Плетенки, их тонко
Плетут мастера.
Орехи — утехы,
Собрать их — гора.

И росы и косы
И сено — везде.
Где б ни был, земляк мой,
Будь счастлив в труде!

ШАЛУН

Ястреб,— чу!
Спать хочу.
Прочь, лиса,—
Егоза,—
Дремлю я пока.
Ты, орел,
Взгляд отвел.
Зайчик, ты,—
Шмыг в кусты.
Нет хлеба, тоска...

ЗИМА

С бедою и мглою
Зима к нам пришла:
Метельна, смертельна
Морозная мгла.

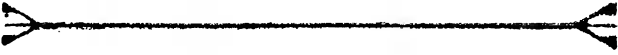
Селенье,— мгновенье —
И рухнет — обвал...
Бывало, обвал нас
На смерть обрекал.

И в голод и в холод,
Измучась, на суд
Все к богу тревогу,
Рыдая, несут.

НИГЕР (ИВАН ДЖАНАЕВ)

ДУМЫ ОСЕТИИ

Я слышу стон моей Осетии,
Я понимаю свой народ.
На долю горестную сетуя,
Освобождения он ждет.

Сироты наши не обласканы.
Где беднякам приют найти?
Не усладить их души сказками —
Невзгоды встали на пути...

Брат-осетин всегда с охотою
Трудился, но терпел нужду.
Он, как с сумой, ходил с заботою,
И враг вводил его в беду.

У стариков одно желание,—
В раю свои продолжить дни,
И жалкое существование
Здесь, на земле, влачат они.

Все тверже, все тесней, все спаянней
В борьбу вступает молодежь,
И с каждым годом все отчаянней
Врагов и ненависть и ложь.

Где ж ты, спасенье нашей родины?!
О мой народ, надейся, жди —
И, помня о дорогах пройденных,
Гляди на те, что впереди!

1916

НОЧЬ

Небо и тучи,
Горные кручи,
Снежная мгла...
Здесь на просторе
Тучи, что море,—
Нет им числа.
Здесь на природе
О непогоде
Шел разговор.
Стань да послушай
Голос пастуший,
Напевы гор!

Но не до песен.
Здесь в поднебесье
Спал он, чабан.
Вдруг — как проснется:
Дождь это льется?
Вьется туман?
Куда тут деться?
Где обогреться?
Видит козла.
Залез под брюхо,—
Под брюхом сухо
И шерсть тепла.
Ожил детина:

Шерстью козлиной
Крепко согрет.
Месяц явился,
В луже умылся,
Скрылся и — нет...

1919

Я НЕ РАБ...

Я не раб, и рабом
Мне не быть никогда.
Лучше пусть моя кровь
Утечет, как вода.

Мать любила меня,
Беспокойства полна,
И над зыбкой моей
Пела песни она.

Вновь мне чудится: мать
Подошла в тишине
И губами слегка
Прикоснулась ко мне.

Эту песнь — этот плач —
Слышать мне тяжело.
Материнской слезой
Мне всю душу прожгло.

Эта песнь, этот плач
Отошедшего дня
Завещаньем звучат
Да сих пор для меня:

«Помни, как я жила,
Как я пела, скорбя,—
Благодарный народ
Будет слушать тебя.

Твой отец был бедняк,
Тяжко было ему:
Ни коровы в хлеву,
Ни достатка в дому.

Все взывал он: ячмень!
Все мечтал он: ячмень!
Но коренья одни
Ели мы каждый день.

Знал он обувь одну —
Холодок земляной,
Знал рубашку одну —
Тяжкий солнечный зной.

Подрастай же, сынок,
Помни правду мою.
Может быть, за отца
Отомстишь ты в бою...»

Мать, с твоим молоком
Слезы впитывал я.
Эти слезы твои —
Непреклонность моя.

Материнский твой плач
Словно клич боевой.
Сына ночью и днем
Он ведет за собой.

Знаю: гибель ему,
Нечестивцу тому,
Кто бы вздумал меня
Приспособить к ярму.

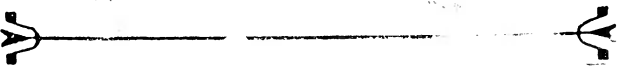
Я не раб, и рабом
Мне не быть никогда.
Лучше пусть моя кровь
Утечет, как вода.

1928

ХАРИТОН ПЛИЕВ

СОН

Был на утесе я
В темень дождливую.
Где в эту пору луна?
Тучи стадами прошли
Черногривые.
Зябкая почь, тишина.

Ни светляка,
Ни мерцания не было.
Сумрак висел над тропой.
Гром водопада
Звучал в эту непогодь
Жалобой или мольбой.

Хоть бы ледник
В этом мраке отсвечивал,—
Нет, он скрывался во мгле.
По слову соскучился я
Человечьему,
Соскучился я по земле.

Сну надоело
Томить меня в темени.
Держать на утесе в ночи.
И вот появились

Как вестники времени
Рассветного солнца лучи.

В гнущем стекле
Водопада гремящего
Первые блики зажглись.
Птицы за рощею,
Птицы за чащею
Щедрую славили жизнь.

Здесь родилась
Моя песнь окрыленная,
С ней я спускался с горы,
Славя чудесную
Светло-зеленую
Землю рассветной поры.

ДАУТ ДАРЧИЕВ

ГОР КАВКАЗА ПОБРАТИМЫ

Сергею Гришину

Не слово славлю. Знаешь, пустословья
Моя душа не примет никогда.
Дыша и ненавистью и любовью,
Сдружила нас военная страда.

Ты выкован из мужества надежно,
Как древний нарт. В тревожный день страны
Всегда звучал приказ твой непреложно.
Мы были до конца ему верны.

Ты шел к победе — всем врагам назло,—
И был твой путь по острию кинжала.
В бою тебя бесстрашие вело.
И смерть сама перед тобой дрожала.

Не расставаться с правдой ни на миг.
Есть память сердца.— И она нетленна.
Твой подвиг — в сердце ратников твоих,
Чья память свята и благословенна.

Как в песне не воспеть твои дела?
А память: то ножом стоит у горла,
То вот из глубины души всплыла
И надо мною крылья распростерла.

Пою о Юге с Севсром в союзе,
Реду о них сердечный разговор.
Леса Смоленщины и Беларуси
Сродни лесам моих кавказских гор.

Да лучше рухнуть грохоча с вершины,
Да лучше в небо воспарить хоть раз,
Чем в грязь втоптать призвание мужчины,
Презреть твои традиции, Кавказ.

Всегда я был далек от суесловья.
Мой друг, мы общей связаны судьбой.
Так как же мне теперь не петь с любовью
О той судьбе, что вяжет нас с тобой.

ВЕСНОЙ ПОГОЖЕЙ

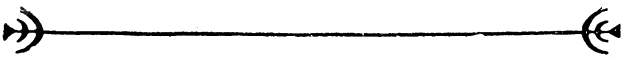
Кириллу Воскресенскому

Весной погожей я приехал к другу,
И — чудеса! — на северной земле
Попал я как-то в горскую округу
И оказался в холе и тепле.

Лужайка. Скальные обломки. Это —
Казалось мне — знакомая земля.
Вот-вот седой Цейдон в потоках света
Затянет песню, камни шевеля.

Как в сказке, гордые возникнут туры
Над пропастью, над царством полумглы.
И с алагирских высей, злы и хмуры,
Раздвинув тучи, воспарят орлы.

И горский быт встает перед глазами,
И вопрошаю: как возник он тут,
Вдали, под северными небесами,
Где чудеса творят любовь и труд?

ГЕОРГИЙ КАЙТУКОВ

БИТВА ОБЛАКОВ

Идут бои на небосклоне.
Строй облаков — в районе гор.
Одни — в железной обороне,
Другие атакуют бор.

Одни на подступах к Ростову,
Другие — Курская дуга,
По знаку первому, по зову
Вот-вот рванутся на врага.

Как будто снова в Сталинграде
Кипит ожесточенный бой,
И я в особой там бригаде
Веду гвардейцев за собой!..

Пехота движется морская —
Бой разгорается сильнее!
Но радость на земле какая,—
Весенний ливень бьет по ней.

МИЗУРСКАЯ НОЧЬ

Небо спрятало лампу свою,
Солнце скрылось за дальней чертою,
И как будто в подземном краю
Все заполнилось темнотою,

Дома трус сидит взаперти,
Ну а смелый вышел в дорогу,
И такая темь на пути,
Темь, похожая на тревогу...

Обозлился путник на тьму,—
То ли камень тут, то ли яма,
Но лепечет речка ему:
— Ты по бережку топай прямо!

Лепет реки... Легчайший звон...
Чутко дремлющие просторы...
Сказки, были далеких времен
В этом лепете слышат горы.

Горы слушают, глядя во мглу,
И, из мрака вырваться сиюсь,
Алагирцам слагают хвалу,
Что алдарам* не покорились.

Из глубоких расщелин гор
Солнце выплывет на свободу
И, врубаясь в ночной простор,
Вмиг расколется, как породу.

Утром снова солнце зажжет
Эти горные выси, как свечи,
И захочется склонам в полет,
И расправят могучие плечи!

* Алдар — князь.

ГРУСТНАЯ ГОРА

Загрустила гора Карадаг.
Как вдова, загрустила гора.
Облаков горевых череда
Потянулась — такая пора.

В эту пору, как видно, земля
Вспоминает прошедшие дни:
Обожженные зноем поля
И зажженные боем огни.

ГОРНАЯ ДОРОГА

Снега вершин и солнце обнялись
У синего далекого порога.
Гора — гордячка...
Как взлетает ввысь
Ее кремнистый путь —
Моя дорога!

Ее изломы круты и остры.
Она бежит, — ей ни конца, ни края, —
То прячась за спиной другой горы,
То на плече у третьей возникая.

Вот скроется за рощею вдали,
Вот побежит стремительно к ущелью.
И вот возникнет, будто из земли,
И снова ввысь летит —
Вперед, за целью.

Не устает. Ни ночи ей, ни дня.
Снесет и зной, и ливень, и тревогу.
А ну-ка, всадник, торопи коня!
Будь верным другом —
Догони дорогу!

Как нарт-джигит, подставив ветру грудь,
Стреми сквозь кручи свой полет орлиный!
О времени в пространстве не забудь!
Ты знаешь сам, как нас торопит в путь
Страна, берущая вершину за вершиной!

ДОЖДЬ ПРОШЕЛ...

Дождь прошёл, а гора умывается, радуясь.
По лицу ее теплые струи бегут.
Улыбнулись дороги,
Сияют, как радуги,
Потянулись к аулу и там, и тут.

Тропы, тропки бегут к нему,
Тянутся, цепкие,
Освежились, открылись — и тут, и там.
Вот и мне показалось:
Веревками крепкими
Мой аул так надежно привязан к горам.

По утрам слышу горные песни и повести:
Воды рушатся,
Камни летят под откос.
Мой аул не боится зияющей пропасти,
Не упасть ему —
В горы он накрепко врос.

У МОГИЛЫ КОСТА ХЕТАГУРОВА

Коста — живой среди живых.
Его «Ирон фандыр»* — чудесен.
Сердечна каждая из песен,
Молниеносен каждый стих.

* «Ирон фандыр» — «Осетинская лира» — собрание стихов Коста Хетагурова.

Коста в бою, Коста в огне.
Поборник света и свободы.
И недруг тех, кто в наши годы
Стоит от жизни в стороне.

СМОТРЮ НА СКЛОНЫ ИРИСТОНА

Смотрю, смотрю на склоны Иристана:
Отары, облака, простор сквозней.
Когда бы горы знали, как влюбленно
Тянусь я к ним, — дружили бы со мной.

Смотрю на Терек, — бьет напропалую
По глыбищам, вздымая гулкий дым.
Когда бы знал он, как его люблю я,
Меня б он сделал вечно молодым.

* * *

Сколько замков на равнине
Понаставила зима.
Убеленная до сийи,
Удивляется сама.

Плотные платки тумана
Кинула на склоны гор.
Строит быстро, строит рьяно.
Страсть! Уверенность! Напор!

Ухмыляется прохожий,
Стал он так розовощек,
Будто тер его по коже
Налетевший холодок.

Но прошли для стужи сроки,
Пробудилась ото сна
И ледовые постройке
Разом рушила весна.

— Посмотрю-ка я,— сказала,—
На владения свои.—
И природу расковала,
И толкнула с гор ручьи,

И стряхнула с веток иней,
Растопила лед в воде,
И зеленое на синем
Обозначила везде.

Я люблю весны заботы,
Весь ее победный путь.
Я люблю ее работы
Очистительную суть.

ИЗ ТЕМНОГО И ТЕСНОГО УЩЕЛЬЯ

Из темного и тесного ущелья
Мы шли в предвосхищение высоты,
Скрепленные с тобой единой целью,
Влюбленные друг в друга — я и ты.

Во мне переплелись восторг и робость,
Споткнулась ты о камня острие
И, вскрикнув, вдруг упала, но не в пропасть,
А в сердце восхищенное мое.

Ты в сердце поселилась словно песня,
Как свет, тепло, веселье и мечты...
В теснине сердца, друг, тебе не тесно,
Иначе б там не усидела ты!

КОСТА И ПУШКИН

Коста и Пушкин, здравствовать вам долго!
Без вас он был бы пуст, мой отчий дом...
Аул мне показался книжной полкой,—
Над саклей — сакля,
Как над томом — том.

Два гения, вы поднялись над веком,
Неся ему души своей дары.
Я одного из вас
Сравню с Казбеком,
Другому имя дам
Эльбрус-горы.

МОЕМУ СЕРДЦУ

Я часто о тебе тревожусь, сердце,
Работаешь, дружище, ты,— да как! —
Не смеешь ни прилечь ты, ни усесться,—
То медленный, то быстрый слышен шаг.

Сказал бы я тебе: «Ну, отдохни!»
Да жаль, тогда мои иссякнут дни.

Ты обладаешь силой и сноровкой,
Все знаешь ты о горе и любви...
Повремени, ты, сердце, с остановкой,
На полуслове песню не прерви!

РАКЕТА

В рассветный час я озираю горы...
Вон та белоголовая гора
Мне кажется ракетой, что в просторы
Взлетит, когда придет ее пора...

Куда меня мечты не увлекали!
Порой в безмолвный предрассветный час
Мне кажется: в космические дали
Вот-вот умчится мой родной Кавказ.

МОЕЙ ЗЕМЛЕ

Твоей заботой озабоченный,
Живу, с тобой судьбу деля.
Я твой защитник,
Я рабочий твой,
Твой песенник, моя земля.

Земля моя, моя красавица,
Тебе под светлым небом жить.
Хочу твоею славой славиться,
Твоею дружбой дорожить.

Кормилица благословенная,
Ты стала для меня судьбой,
И даже смерть моя, наверное,
Меня не разлучит с тобой.

О КРАСКАХ

Какой люблю я цвет?
Ответ

Не так-то просто дать.
И все же
Мне красный цвет
И синий, цвет,
Видать, других цветов дороже.
Мы нашей кровью на войне
Родную землю оросили,
Чтобы спокойно
В вышине
Сиять необозримой сини.

МОЙ АУЛ

Где тучи раздвигает гор громада,
Где узловатой речки слышен гул,
Где бурка чабана и волны стада,
Аул мой приютился...
Мой аул!

Не любят там ни хитрости, ни злости,
Хотя в труде и помогает злость.
Там и сейчас не отпускают гостя,
Там добрым другом станет добрый гость.

Там хороши черника и брусника,
Там звонкая прохлада родников,
Там башни предков высятся —
Взгляни-ка! —
Окаменелой стражею веков.

Там ветры времени шлифуют камень,
Там люди крепче каменной горы:
Столетних не считают стариками,
Они завидно молоды, бодры.

Забуду ли, как здесь, в родном ауле,
«Расти сынок!» — мне напевала мать.
А вырос — песни душу захлестнули,—
О земляках я стал стихи слагать.

НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ

Мечта моя сбылась... Нет в мире краше,
Чем этих гор распахнутый простор!
С вершины вижу будущее наше,—
Оно еще прекрасней этих гор.

ГОРА И ТЕРЕК

Смогу ли любопытство одолеть я?
Стоит гора над Тереком, стара.
Глядит в упор. За многие столетья
Налюбовалась Тереком гора?

ОДНАЖДЫ УТРОМ

Увидели горы зарю огневую,
Зарю, что упрямо вставала вдали,
Строкою Коста окликаая живую
И неодолимую радость земли.

Заря занималась, заря поднималась,
Но солнце, которое знало свой путь,
Притихло на миг, на какую-то малость:
На горы взглянуть? —
Или так отдохнуть?

Нежданно-негаданно
Что же случилось?

К чему остановка на вечном пути?
Оно над Осетией остановилось,
Оно загляделось, оно удивилось,
Забыв от волнения, что надо идти.

ЗИМНИЕ КАРТИНКИ

Это детская затея —
Слой муки среди двора.
У какого богатея
Столько набралось добра?

Кто осыпал щедрой горстью
Этот лес и склоны гор?
Это кто, придя к нам в гости,
Выбелил земной простор?

Кто над горною рекою
В этот бесподобный миг
Леденящею рукою
Башни белые воздвиг?

Полно! Не мучной пыльюю
Запорошены дома,—
Прибежала к нам рысцою
Наша новая зима.

Стужи в горы прибежали,
Ветер бродит по земле.
Словно надпись на кинжале,
Узорочья на стекле.

Нашим добрым пешеходам
В лица дышит вновь пурга.
Нарядилась вся природа
В беспредельные снега.

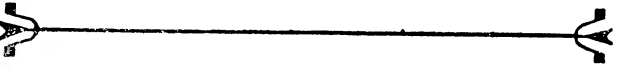
И теперь не птичье пенье,
Солнца луч, зеленый лист,—
Входит в дом оцепененье,—
Злая стужа, ветра свист.

Так бери, мороз, потуже,
Сыпь снегами по земле,—
Не боятся дети стужи,
Хорошо им жить в тепле!

ГАФЕЗ (ФЕДОР ГАГЛОЕВ)

ДА, Я ИРОН...

Да, я ирон!
Твердят: живешь ты прошлым,
Мы строим новь, а ты-то, старина,
Все о своей Осетии поешь нам,—
Тебе покоя не дает она.

Я стар и сед, неправды не приемлю.
Да, я люблю Осетию мою,
Омытую обильной кровью землю,
Ее открытым сердцем я пою.

Любовь к Осетии — в моем начале,
В напевах матери, в ее глазах,
В ее очах, исполненных печали,
В ее дыханье и в ее слезах.

Ее дороги и мои дороги,—
Как остриями ножницы,— сошлись.
Мои и материнские тревоги
В года войны соединила жизнь.

Как дерево без корня жить не может,
Так я без родины не проживу.

Моя любовь другому да поможет
Мечте его свершиться наяву.

Любовь к Осетии распространяю
На целый мир,— дабы не знал войны.
Своим пристрастием к родному краю
Соединяю все концы страны.

ГДЕ ЧЕЛОВЕК, ТАМ ФАРН*

Костер притих. Подбрось в него поленья.
Сквозь лес дорога ждет нас завтра, впредь.
Гори, костер! Пусть филина моление
Не прозвучит, пусть не придет медведь.

Пусть свет костра заблещет в речке горной,
Согреет скулы темная скала,
Сосна взмахнет своею гривой черной,
И песнь расправит сильные крыла.

Костер горит над полночью слепою.
В какую глушь ни ступит человек,
Он фарн несет, как факел над собою,
И озаряет путь свой, землю, век.

* * *

Земля моя славная, пью
Утреннюю росу твою,
Радостью вешней твоею
Быстро хмелею.

* Фарн — счастье, мир, благоденствие.

Земля моя милая, пью
Небесную синеву твою,
Чистотою земною
Светит она надо мною.

Земля моя чистая, пью
Твою дождевую струю.
Ласкает струя дождевая, живая
Как мать, меня омывая.

Земля моя светлая, ем
Хлеб твой и соль твою, всем
Да будут обильно даны
Щедроты страны.

Земля моя, в радости вопрошаю,
Душой обращаясь к родному краю:
«Где еще в мире солнце так светит,
Где еще такая весна на свете?»

СЛЕЗЫ РАДОСТИ

Пусть злится буря! Он стоит могуче,
Крыла расправил гордый человек.
Об эти плечи раскололись тучи
И на щеках не тает хрупкий снег.

На площади — Поэт. Он в бурке темной.
Он ждет. Он любит эти ветры с гор.
На этот город в темени огромной
Поэт глядит спокойно и в упор.

И прошлое с его беззвездной мглой
Оттеснено сиянием огней,
И новый день восходит над землею
Предвестием грядущих ясных дней.

И страстно увлеченный делом новым,
И весь — как воплощенная гроза,
Стоит Коста под небом Ильичевым,
И слезы радости в его глазах.

* * *

Ты — ветер, ты под небосводом
Летаешь близко — далеко,
Тебе легко и пешим ходом,
И на машине так легко.

Задумал — и без промедленья
Ты превращаешься в орла.
Задумал — и в одно мгновенье
Расправил сильные крыла.

Обнимешь ледники и горы,
Лесов коснешься и вершин,
Тебе подвластны все просторы,
Ты невидимка, ты один.

Нежданно из-за поворота
Появишься, взрывая тишь.
Летишь в Аланские ворота
И — дальше, дальше ты летишь.

Ты гладишь травы водопадов
И волны зреющих полей.
Твоим повадкам сердце радо,
Еще подуй, еще повеи.

Летаешь по родному краю,
Но и меня не упрекай:
И я над всей страной летаю —

Из края в край,
Из края в край.

* * *

Свистит коса,
Звенит коса,
Мотай себе на ус:
С косою жизнь моя — краса,
И сладок хлеб на вкус.

Коса из вековой тьмы
Пришла к нам,
Людям гор.
И сигареты курим мы,
И слышен нам мотор,—

Машины косят
В наши дни,
Коса от нас ушла,
Стрекочут тракторы одни
У каждого села.

Видать,
Что больше не нужна
Коса с недавних пор.
Но горцу говорит она
Как песня наших гор.

Трава с прозрачною росой —
Отрада из отрад.
Траве, что скошена косой,
Как прежде,
Горец рад.

Так повелось давно: утрами
Мой взор восходит на Бурхох.
Всю жизнь вот с этими горами
Мой каждый шаг, мой каждый вздох.

О братья-пшавы, поглядите
На эти горы так, как я.
Мечтами встретимся в зените,
Как на вершинах бытия.

Когда я вижу эти горы,
Всегда передо мною вы.
Милы мне отчие просторы,
Разлив весенней синевы.

Кавказа гордые вершины,
Как дети матери одной.
Они сильны тем, что едины,
Гряда их выглядит семьей.

Я заключил бы их в объятья,
К своей груди прижал бы я.
Привет вам, горы,
Горы-братья!
Кричу вам:
Здравствуйте, друзья!

НА РАССВЕТЕ

Рассвело.
Над полями все ширится све
Брошен в травы слепящей реки поясок.
Ударяет в ладоши от радости дед:
«Ну и выдался славный, глядите, денек!»

В синеве — ни пылинки.
Такая пора.
Ветерок прилетел.
Зазвенели ключи.
За горою гора, за горою гора,
А над ними антеннами виснут лучи.

Вишни в белом наряде блистают вдали,
И леса зазывают нас издалека,
И пестреют стада на просторах вдали,
И привычное русло меняет река.

И работа кипит,
И сиянье вершин,
Как высокой идеи немеркнущий свет.
Окрыленные люди, мы труд свой вершим,
И трудом на земле оставляем свой след.

БЫЛА БЫ Я...

Отец ждал мальчика,
Но злой судьбою
Мне девушкой родиться суждено.
О Родина, мои мечты —
С тобою,
Вся жизнь моя —
С тобою заодно.

Я — женщина.
Луна, звезда,
Я знаю
Свои слова, я знаю выход свой.
А надо, чтоб моя рука простая
Была Батрадза* мощною рукой,

* Батрадз — один из героев Нартского эпоса.

Была б орлом,—
Над горною грядою
Раскрыла бы могучие крыла,
Врагов держала б под своей пятою —
Пята моя да будет тяжела.

Как мать ребенка нежно подымает,
Так подняла б я Родину свою
Навстречу Солнцу,
Октябрю и Маю,
И счастьем, о которых я пою.

Что говорить об этих желторотых
Мальчишках-недотепах?
Как их звать?
Они решительны на поворотах,
Клинок запустят — так по рукою.

Они — любимцы публики — известны
Хмельной своей безбрежной похвальбой.
О них поются песни повсеместно,
И вся земля
Дрожит над их судьбой.

Эх! Ждал отец мальчишку,
Но девчонку
Судьба ему послала в некий час...
А ну-ка, горе-мальчики,
В сторонку!
Не то я ветром юбки
Сдую вас.

Ночь. Позднее время.
Скала потемнела,
Затмилась, уснула скала.
Над старою башней
Неслышно, несмело
Луна молодая взошла.

Когда-то мой дед по вершине скалистой
Ходил, разжигая костер.
И звезды горели
Над башнею мгlistой,
Над спинами дремлющих гор.

Нет деда. На новую вышла дорогу
Родная деревня моя.
Но речка, как прежде, поет понемногу,
И высится башня, как страж бытия.

Глядит эта башня:
Да не было б бури,
Да тучи ушли б себе прочь.
Как четко очерчена башня в лазури!
Как чутко плывет она в ночь!

Солдатом стоит она здесь по старинке,
Окрестности видит вдали...
И я не травинка,
И я не былинка,
Я сын этой гордой земли.

Что сделать успел я для Родины?
Много ль
Сумел совершить для страны?
По жизни я шел справедливой дорогой?
Кому мои строки нужны?

В дни зрелости тяжко услышать попреки:
Мол, жил и работал не так.
Стране посвящал я
Влюбленные строки.
Пришлись они впору, мастак?

Нам нужен Коста
Той же дерзостной силы,
Чтоб песнь боевою была,
Чтоб были богаты и ширококрылы
Не только слова, но дела.

Нам нужен Чермен*,
Чтоб от верного плуга
Тянулась его борозда,
Чтоб друг
Каждодневно поддерживал друга,
Особенно, если беда.

Хотим Урузмага**,—
Могучего старца,
Чтоб в души людей проникал.
Он к новому фарну —
Пророк, может стать, —
Умело и радостно звал.

Мечта!
Говорю я твоими устами,
В грядущие дни устремлен.
Земля моя спит.
Поработав, устала.
Как мать, берегу ее сон.

* Чермен — народный герой, выступивший против порабитителей.

** Урузмаг — один из героев Нартского эпоса.

МАКСИМ ЦАГАРАЕВ

МОНОЛОГ КОСТА

В моем изголовье — тоска горемыки.
В моем изголовье — истошные крики,
И горе, и тягостный скрип колыбели,
И горькая песня пастушьей свирели.
В груди моей боли — солдатские боли,
И радость победы, и песня о воле,
И жгут материнские слезы мне душу.
Я клялся, и клятвы своей не нарушу.
Высокие горы изваяны мною,
И сверху укрыл я их голубизною,
И солнце просил озарить это диво,
И мир улыбнулся легко и правдиво.
Осетия-мать, ты в моем изголовье.
Прими ж эту песню с сыновней любовью.

ПАМЯТНИК

1

Я — памятник. Суровых гор осколок.
Меня воздвигли здесь. И я стою.
У ног моих травы зеленый полог,
Как плащпалатка в памятном бою,

Прикрыв навеки каменные веки,
Храню все ту же гордость до сих пор,
Как тот скакун, что оступился в беге,
Но седока принес в ладони гор.

Упершись в камень крепкими ногами,
Я жажду мести в сердце сохранил.
Здесь среди камня я все тот же камень,
Могила среди тысячи могил.

А надо, чтобы всюду было поле,
Чтоб всколыхнулось золотом оно.
Я — памятник. Стою на вольной воле.
Чело мое всегда озарено.

Здесь жизни цвести, не ведающей страха,—
С весельем, хлебом, песней и вином.
Остановись, товарищ! Скинь папаху.
Всех здесь погибших помяни добром.

2

Вдруг молчанье раскололось.
Камень поднял зычный голос
Из земли:
«Падал черный снег нагорный.
Мы бойца на бурке черной
Принесли.

Мельтешенье крыльев черных,
Черный пух индеек горных
Над горой.
Голоса их воздух рвали.
Над толпой клубился в дали
Дым пороховой.

А внизу на снег летучий,
Будто бурки с черной кручи,
Пала тень.
Вышел старец, поднял руки,
Плач разнесся по округе:
Черный день!

— От врага берег он горы,
Эти вольные просторы,—
Славен он!»

И ущелья отвечали
Долгим голосом печали,—
Плач и стон!

ЕЩЕ О СОЛНЦЕ

В клеточке играет каждой,
В каждой точке сияет,—
Увеличивая жажду,
Солнце жажду утоляет.

Солнце смотрит, чтоб у горца
В очаге дрова горели,
И младенчески смеется
В осетинской колыбели.

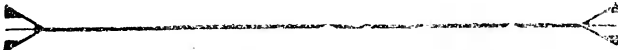
Солнце по кудряшкам пляшет,
Солнце гонит в тень усесться.
Солнце ткет такую пряжу,
Чтобы согревала сердце.

Солнце полилось в ущелье
Мягким водопадом света

И с огнистою метелью
Привело на склоны лето.

Солнце смотрит, вскинув брови,
Чтоб лучи его светили
У младенцев в изголовье
И у старцев при могиле.

ГРИШ ПЛИЕВ

* * *

Отчизна широка. Огромен мир.
Его масштабы я и не нарушу,
Сказав, что невелик родной мой Ир,
Но так велик, что переполнил душу.

ПЯТЫЙ КИНЖАЛ

Много лет прошло со дня победы.
Но со мной виденья той поры:
Годы горечи, походы, беды.
Вижу опустелые дворы.

Сын уходит в бой. Обряд старинный—
Вастырджи* упрашивает мать:
«Сохрани ты жизнь родного сына».
Он черкеску снял. Шинель под стать
Молодому, если молодчина.
В дерево вонзил кинжал — как знать? —
Возвратится ли?

...Молчали горы.

Безучастно снег на них лежал.

* Вастырджи — покровитель путников у осетин.

Сакли нет такой, перед которой
Не терчал бы в дереве кинжал.

Сын погиб — нет горше горя в мире.
Матери как одолеть беду?
Во дворе пустынном все четыре —
В дереве кинжалы на виду.

У нее один остался — малый,
Он носил с достоинством кинжал.
И она лишь одного боялась,
Чтобы он до срока не сбежал.

Стережет она меньшого участь,
И едва прорежется рассвет,—
К четверем,— следит она, измучась,—
Пятый не прибавился ли? Нет.

И в один из дней, когда над садом
Новый встал рассвет, зловеще ал,
Мать невидящим схватила взглядом:
С четырьмя оплаканными рядом
Новый — пятый — маленький сверкал...

СЕМЬ ЧЕРКЕСОК

Баллада

Близ ворот теснин Куртата,
Путник, придержи коня
И приди послушать брата,
Мой рассказ, а не меня.
Улови в нем все оттенки.
Начинаю. Слушай, брат.

В сакле небольшой на стенке
Семь черкесок в ряд висят.
Семь черкесок. Ладных. Стройных.
Это надо понимать:
Воннов — сынов достойных —
Семерых лишилась мать.
Семь гробниц в тени дорожной
Средь могильной тесноты.
А гробницы-то — порожни.
А черкески-то — пусты.
Нет, уже голов сыновних
Не погладит мать рукой,
Тех сынов единокровных
Вспоминает мать с тоской
И не верит в их кончину,
И живыми видит их,
И черкеске, словно сыну,
Говорит в печальный миг:
— Почему не слышу вести
И не вижу я письма.
В нем о фронте — честь по чести —
Прочитала б я сама.
Семь черкесок. А в педеле
На беду мою семь дней.
Семь сынов — все улетели,
Семь любимых сыновей.
Мать сынов своих ласкает.
Семь черкесок. Семь забот.
С горя трескаются скалы.
Небо линем слезы льет.

Старший сын Махамат. Слово
Обращает мать к нему:
«Говорят, что в час суровый
Ты погиб, ушел во тьму.
День второй войны. Оставил

Ты черкеску на стене.
И усхал, и заставил
Мать томиться в полусне.
Писем нет. Война пылала.
Чтоб хранили нашу честь,
Шестерых сынов послала
За тобою в битву. Шесть!»
И черкеску так печально
Гладит нежная рука.
И слышался ей дальний
Голос старшего сына:
«Истомленная войною
Мать-старушка, не рыдай!
Я живу за тишиною,
Это не страна, не край,
Ни послать туда за мною,
Ни позвать оттуда, знай.
Это память. Это глина.
Севастополь — весь в огне.
Танков шла на нас лавина.
Сжечь их нужно было мне.
Сунул семь гранат за пояс.
Вместе с ними — на врага.
И сгорел. И вот вся повесть.
Не вернусь — наверняка!
Ни сейчас мне нет возврата,
Ни поздней — из бездны лет.
Друг за друга, брат за брата! —
Без того победы нет...»

И черкеску мать ласкает
Каждый день — который год!
С горя трескаются скалы,
Небо ливнем слезы льет.
Ко второму сыну руки
Простирает: «Отвечай!

Ты со вторника в разлуке.
А в какой уехал край?»

Издалека-издалека

Отвечает Дзарахмат:

«Для ушедших нету срока,
Я погиб, как старший брат.
На равнине Подмосковья.
За спиной была Москва.
Я истек на землю кровью,
Чтоб земля была жива.
Ни сейчас мне нет возврата,
Ни поздней — из бездны лет.
Друг за друга, брат за брата! —
Без того победы нет...»
И черкеску мать ласкает
Каждый день — который год!
С горя трескаются скалы,
Небо ливнем слезы льет.

Перед ней черкеска — третья.
«Сын, и ты пропасть успел.
Как тебя хочу я встретить,
Свет надежды, Хадзисмел!
Мягкий волос, темный волос...
Поглядеть — тоску унять.
Как отзванивал твой голос,—
Вот обрадовал бы мать».

Хадзисмел сказал сердечно,
Словно истину постиг:
«Кто живет на свете вечно?
Жизнь — она короткий миг...
Я косил спокойно сено,
Быстро шли к валам валки,
Пел я песню, но мгновенно:

— Стой! Тревога! Помоги!
С песней я ушел в солдаты.
На войне как на войне.
Песнь услышишь, и тогда ты,
Мать, припомни обо мне».

И черкеску мать ласкает
Каждый день — который год!
С горя трескаются скалы,
Небо ливнем слезы льет.

Вот четвертая черкеска.
«Где ты, мой Махар, теперь? —
Книголюб, ответь мне веско,—
Ты — потеря из потерь...»
Слышен голос Махарбека:
«Гыцци*, ты оставь меня.
Шла война за человека.
Как тут выйти из огня?
Клейст нас гнал. Иссякли силы.
Я врагу сейчас солгу,
Чтобы даже у могилы
Нанести удар врагу.
Сдался в плен — «меня ведите
К Клейсту. Есть один секрет.
Тайные раскрою пути,—
Те, что в штабе вашем нет.»
Повели. Дыханье сперло.
Тут все силы я собрал,
Клейсту вмиг вцепился в горло,—
Задохнулся генерал.
Рухнул наземь. Тут охранник
Саблей полоснул меня.
Я счастливец, я избранник,

* Гыцци — мать (ласкательное).

Победителям родня.
Ни сейчас мне нет возврата,
Ни поздней из бездны лет.
Друг за друга, брат за брата! —
Без того победы нет...»

И черкеску мать ласкает
Каждый день — который год!
С горя трескаются скалы,
Небо ливнем слезы льет.

«Где моя семья большая?
Где вы? — велика земля, —
Мать Созыра вопрошает,
Вопрошает Шамиля. —
Близнецы! Родные! Оба
Отзовитесь, где же вы.
Мне тревога хуже гроба:
Нет ни вести, ни молвы.
Близнецы мои, кручина
Не дает мне ночью спать...»
И тогда-то оба сына
Отвечают: «Слушай, мать!
Мы ушли, тоски не зная,
На войну в тяжелый час.
Не тревожься ты, родная.
Не печалься ты о нас.
Оба мы верны заданью
От родимых гор вдали,
В нашем танке ранней ранью
Мы в Германию пришли.
Оба были мы в атаке.
На войне как на войне.
Оба мы сгорели в танке —
Близнецы — в одном огне».

Две черкески мать ласкает
Каждый день — который год!
С горя трескаются скалы,
Небо ливнем слезы льет.

Младший — это воскресенье.
День седьмой и сын седьмой.
«Отзовись, мое спасенье,
О Хасан, любимец мой!»
Слышен голос в отдаленье:
«Гыцци, не вернись домой!
Знай, что за день до победы
Я в Берлине был сражен.
Нет, не верю я в приметы.
Жизнь оборвалась, как сон.
Мать, я не вернусь обратно.
Как горюю по тебе!
Мы все семеро, все братья
Дважды братья по судьбе...»

Мать молчит. Врагу бы надо
Быть на месте сыновей,
Нет, не оторвать ей взгляда
От черкесок, — тяжело ей.

«Сыновья! Вы мало жили.
Ваши коротки пути.
Почему вы поспешили
Раньше матери уйти?
Почему с любовью вместе
Скорбь оставили мне вы,
Семеро — мое созвездье, —
Верить ли, что вы мертвы?»
Смотрит мать сквозь сеть морщинок:
Семь черкесок — гордый ряд.
Семь красавиц-осетинок,
Головы склонив, стоят.

УРУЗМАГ И САТАНА

По мотивам нартского эпоса

Урузмаг нартский жил с Сатаной
Семью семь жизней любовно,
И каждый раз, когда к нему
Нежданно старость подходила,
Своими чарами жена
Ему вновь молодость дарила.
Молились юноши: о бог,
И нам даруй такое счастье!

Но вот, устав и от жены,
И от такой огромной жизни,
Урузмаг подозревал Сатану,
То бишь жену, и так сказал ей:
— Жена, прожили мы с тобой
Не жизнь, а сорок девять жизней,
Иль семью семь. Теперь ступай
В свой отчий дом. Возьми с собою,
Что дорого душе твоей,
Возьми сокровище любое,
Возьми и тут же дом покинь.
Уйди. Мне счастье надоело!..

Ему Сатана отвечала:

— Ну что ж, старик, коль в тягость стало
Со мною жить,— уйду, уйду!
Но прежде должен ты исполнить
Одно желание мое.
Устрой, старик, мне пир прощальный,
Хочу я рог преподнести*
Твоей родне — последний рог мой.

* Преподнести рог — иными словами — угостить.

И был объявлен нартский пир.
Собрал здесь всю родню Урузмаг.
Сатана не жалела им
Напитков, яств,— все показала,
Всех напоила. На пиру
Неделю нарты веселились.

Когда все старцы разошлись,
Велела юношам Сатана,
Держа все в тайне, незаметно
Бокалом ронга* несравненным
Урузмага сразить. Сразили.
Урузмаг выпил и уснул.

И едет в отчий дом Сатана.
Сокровище, что мило ей,
Что было ей всего дороже,—
Из дома мужа забрала.
И хворостинкой погоняет
Волов, что дремлют на ходу.
А позади на свежем сене
Лежит сокровище ее,
Бесценный дар, что увозила,—
Урузмаг — захмелевший муж.

В степи, едва глаза раскрыл он,
И так неожиданно протрезвев,
Увидел муж: одной рукою
Сатана тех волов торопит,
Другой рукою отгоняет
От мужа мух и мошкар.
— Что происходит? — тут подумал
Урузмаг и спросил жену:
— Куда мы едем?

* Ронг — крепкий напиток у нартов.

— Видно, муж мой,
Забыл, что из дому меня
Прогнал, и вот к родным я еду.
— А я причем?

— Ты ж сам сказал:
«Жена, возьми-ка ты с собою,
Что дорого душе твоей,
Возьми сокровище любое,
Возьми и тут же дом покинь»...
И вот теперь к отцу я еду,—
Свое сокровище везу.
На старости словам мужчины
Ужели будешь изменять? —

И улыбнулась той улыбкой,
Которой был впервой сражен
Урузмаг в юности.

— Ну что же,—
Сказал он, в юность возвратясь,
Видать, в тебе таится сила
То колдовства, то волшебства,
И мне не одолеть той силы.

Пока Урузмаг и Сатана
Мирились,— медленно и верно
Волы пошли в обратный путь,—
Арбу спокойно повернули
Обратно к нартам. И — пошли.
Но женщина на то и есть
Колдунья и земли, и неба,
Что не прощает нам обид
И повод к мести вмиг находит...

Так вот, Урузмаг как-то раз
В глухую степь забрел, охотясь.
Был вечер осени. Туман

Окутал поле мглою. Глазу
Пути не видно. Истомлен
Дорогой, голодом и жаждой,
Не знал Урузмаг, как тут быть,
Куда деваться. Вдруг он видит
Кутан, пастуший кош. И он
Через плетеные ворота
Вошел в него. И увидал
Дворцы, что в сказках вырастают
Вдруг перед путником. Присел
И так решил он: этой ночью
Здесь отдохну...— Он про себя
Сказал: — О, если бы поесть мне
Хоть что-нибудь! И только он
Промолвил это,— фынг-треножник
Идет к нему, стал перед ним:
Какие яства и напитки!
Какая сказка наяву!

Поел, попил. И — полегчало.
Легко, приятно стало так,
Как будто был сорокой.— Больше
Мне ничего не надо, все! —
Сказал он.. И прилег на бурке.
Глядит и видит: все окрест
Чудесно озарилось в полночь.
Что б это быть могло? Видать,
Горит тут чей-то дом! Урузмаг
В недоумении. вскочил
И слышит голос: — Ты не бойся,
Урузмаг,— то моя нога
Из-под подола показалась.—
Прилег Урузмаг и притих.
Немного погодя, вдруг снова
Какой-то вспыхнул свет.— Пожар!
Едва подумать мог Урузмаг,

Как снова голос слышит он:
— Урузмаг партский, ты не бойся,
То — не пожар, моя рука
Случайно как-то обнажилась.

Опять старик прилег, притих.
Немного погода, он снова
Увидел: вспыхнул некий свет.
И в третий раз решил Урузмаг:
Опять пожар! Спать огонь!
И снова услышал он голос:
— Урузмаг партский, ты не бойся,
Случайно обнажились косы
Мои...—

И думает старик:
«То — голос женщины. Как видно,
Ее нога, рука, коса,—
От них светло, как бы от солнца...
Видать, она еще светлей
И краше! Мне не быть мужчиной,
Погибнуть, если не узнать
Ее, красу ее и чары!
Урузмаг вмиг вскочил, пошел
Туда, откуда шел тот голос.
И слышит он: — Не подходи!
Хотел поест — поел, и выпить
Хотел — и выпил. О другом
И помышлять не думай! Полно!
Ступай себе, скорей ложись
На бурку!..

Он стоит во мраке,
Стоит и шепчет: — Вот беда,—
Сама лукаво подстрекает...
Сама хитрит...— И он пошел,
Чтоб ею овладеть на ложе.
— Не подходи! Скорей уйди,

Уйди скорей или будет худо,—
Кричала, в голосе ее
Урузмаг слышал то угрозы,
То ласки. Он не отошел,
Не отступил. Ведь все мужчины
Такие, как Урузмаг. Он
Семью семь жизней полюбовно
С Сатаной прожил, и она,
Прекраснейшая из всех женщин,
Ему наскучила. Теперь,
Завсегожен чужой женою,
Он захмелея. Где? Здесь, в степи,
В кутане, в шалаше пастушьем.
Мужчина выпьет и посест,
И, окосев, себя не помня,
Идет к чужой жене...

Тут вмиг

Сатана обрела сружье
И трижды войлочною плетью*
Его ударила. И он
В коня мгновенно превратился.
На утро же за тем конем
Явился горец, вместе с горцем
И конь ушел. Сатана зло
Коню работать повелела.
Так целый год работал конь,
В горах выюки нес,— истощился,
Спина истерлась, на боках
Прорезались худые ребра.
По истеченье года конь
Был возвращен хозяйке.

Бедный

Урузмаг смотрит на нес,

* Войлочная плетъ в осетинской мифологии имеет волшебные свойства.

Колдунью, думает:

— О если б

Я вновь мужчиной стал,— тогда б

Я поступил с тобой как надо! —

Но так как женщина всегда

Колдунья и читает мысли —

Она ударила его

Своею войлочною плетью,

И превратился он в осла!

Тогда другой явился горец

И нанял этого осла

Работать сроком на два года.

Что он, Урузмаг, испытал

За эти годы — не расскажешь!

Зачах, совсем костлягим стал

От козней женщины проклятой.

О если бы его сейчас

Увидела в таком вот виде

Жена, Сатана, в тот же миг

Он тут же умер бы от горя

И от стыда,— не дай-то бог!

И вот прошло еще два года.

Осел-Урузмаг возвращен

Своей хозяйке. На колдунью

Глядит он, думая при том:

— Дай бог — когда мужчиной стану,

Я мигом отомщу тебе!

Но так как женщина всегда

Колдунья и читает мысли —

Своею войлочною плетью

Она ударила его,

И превратился он в собаку.

Явился третий горец к ней,
Колдунье злой, и взял собаку,
Чтоб выгнала она ему
Из лесу бурого медведя.
Искать им долго не пришлось.
Урузмаг, увидавши зверя,
Пошел за ним все глубже в лес.
Зверь из лесу на гору вышел,
Чья шапка в небесах была.
Тот зверь бежит, но и собака
Не отстает, бежит за ним
И сокращает расстояние.
И вот устал, присел медведь
На задних лапах, в эту пору
Его Урузмаг и настиг.
Медведь к собаке обратился:
— Урузмаг мой, присядь-ка здесь
И отдохни. И ты узнаешь,
Что я-то вовсе не медведь,
А бог зверей — святой Афсати.
В медвежью шкуру я вошел
Затем, чтоб встретиться с тобою.
Я долго за тобой следил
И знаю все твои страдания,
Что испытал, преображен
В коня, осла да вот в собаку.
Прости Урузмаг, я не смог
Тебя избавить от колдуньи.
Теперь ступай обратно вниз
И там в лесу найдешь медведя,
Его и выгони к тому
Охотнику, а сам к хозяйке
Вернись и притверись больным.

Чтобы забыл о злодеяньях,
Свершенных ею над тобой,

Она — злодейка и колдунья —
Заискивать перед тобой
Начнет, она любые яства
И крепкий рюг на фынг подаст.
Лукавство, хитрость, лесть, притворство —
Все пустит в ход, чтоб усыпить
Тебя, но ты не поддавайся —
Не пей, не ешь. Тогда она
Впадет в отчаянье. Подойник
Возьмет — на скотный двор пойдет,
Чтоб надонть для угощенья
Больному козье молоко*.

Лови тот миг! Как только выйдет
И скростся она, хватай
Немедленно из-под подушки
Колдуньи войлочную плетъ,
И плетью войлочной три раза
Ударь себя, и вот тогда
Ты обретешь лицо бывшее
И снова станешь тем, кем был.
А остальное все зависит
От самого тебя. Гляди:
Захочешь — овладеешь сю,
Захочешь — плетью стегани
Колдунью, — мигом превратится
В то, что задумаешь ты сам.
Но помни: хитрости, коварства
Она полна, в ней всей земли
Коварство с хитростью. Смотри же:
И в зной она накличет снег,
И полночь превратится в полдень,
И станет дряхлюю каргой,

* Козье молоко, козье мясо — имеют, как утверждают старожилы, оздоравливающие свойства.

И обольстительной невестой,
С улыбкой на тебя посмотрит —
И ты ей на посылках раб.
Ступай! Будь пачеку...

Урузмаг

Собакой возвратился в лес.
Совет, что дал ему Афсати,
Он выполнил, как обещал,
В таком, как велено, порядке.
Медведя выгнал. Заболел.
За молоком ушла колдунья.
Схватил он войлочную плеть
И стал самим собой — Урузмаг!
Злодейку, злую чародейку,
Ее он трижды стеганет
И превратит ее в ослицу,
Потом погонит прямо в хлев,
Чтоб подарить ее Сатане,—
Жена простит ему грехи.
Открылась дверь, и на пороге
Колдунья выросла. И вдруг
Урузмаг, плетью замахнувшись,
Сказал: — Ты, тварь, в моих руках!
Теперь ты не уйдешь от кары!..—
Но что ж он медлит? Отчего
Рука с той войлочною плетью
Застыла в воздухе? Пред ним
Колдунья мигом обернулась
Невестой молодой — она
Давно его заворожила —
В далекой юности года.
Да это же сама Сатана,
Его жена!

Ты что ж, старик,—
Она с улыбкой вопрошает,—
Не узнаешь свою жену?

Заворожен, стоит Урузмаг,
А плетка выпала из рук.
Сатана вещая и мудрый
Урузмаг помирились вновь,
И до сих пор в добре и холе
В горах Осетии живут,—
В каком ущелье и ауле —
Об этом знает только бог.
Я как-то к ним хотел пробраться,
Чтоб подшутить над стариком,
Да нет: боюсь я этой встречи,
Его ответа я боюсь.
Ведь я, друзья мои, порою
И сам бывал в сетях колдуньи,
Сам попадал впросак не раз.

БОРИС МУРТАЗОВ

* * *

Да. Порядок в Осетии есть:
Гость случайно на пир попал,—
Протяни ему встречный бокал.
После этого может есть.

После этого сможет есть.
Ты обычай дружбы познал?
...Путник наш, окажи мне честь:
Вот стихи мои — встречный бокал.

КОГДА ЦВЕТУТ БЕССМЕРТНИКИ В ОСЕТИИ...

На улицах Москвы нередко сетую,
Что нынче не в горах я спину грею,
Когда цветут бессмертники в Осетии,
К Дарьялу порываюсь я — скорее!

Я говорю: на свадьбу с пылу-жару
Ввалиться бы гулливо с кунаками,
А с алагирским всадником на пару
Испытывать в пути нагорный камень.

Хоть мудрость, говорят, белоборода,
Не чуждо ей, однако, то, что ново,

Мне б так хотелось в опыте народа
Найти свое нестершееся слово.

Седые горы — лучшие на свете — я
Во сне увижу и — тоски следа нет.
Но если дома засижусь в Осетии,
Опять меня в Москву обратно тянет.

СКАЧКИ В ГОРАХ

По древнему осетинскому обы-
чаю в честь прославленного
человека после его смерти
устраиваются скачки.

В январский мороз пораженные скорбною вестью.
Замолкли все песни Осетии, разом все вместе.

Все танцы стихли — все вместе и разом.
Морозом и скорбью охвачены сердце и разум.

Но с гор белоснежных слышалось скорбной порою:
«На скачки! На скачки! На скачки! Во славу героя!»

Зерном скакунов мы кормили овсяным, ячменным,
Чтоб легким был конь, среди многих достойных
отменным.

Летят отовсюду к нам всадники в гости: Россия,
Чечня, Кабарда, Адыгея... Салам, дорогие!

Калмыкия скачет. К нам едут сыны Карачая!
«Друзья, мы вам рады!» — гостям говорим,
их встречая.

Как синее небо над нами, безбрежна равнина.
И каждый из всадников смотрит на друга ревниво.

И каждый из всадников хочет домчаться до цели.
Сигнал! И — как ветер, они сорвались, полетели.

Летят, уподобясь и вихрю, и стрелам, и грому.
По первому кругу — все вместе, вразброс — по второму.

Скакун Карачая прорвался вперед, но — мгновенье! —
Скакун из Ростова его обогнал. Напряженье

Росло, и калмык оказался уже перед ними.
Но ласточкой вырвался конь — назовите же имя! —

И всех обогнал. Это всадник земли Иристана.
Он знамя схватил на скаку горячо и влюбленно.

И каждый из всадников смотрит на друга ревниво.
Как синее небо над нами, безбрежна равнина.

ПЕСНЬ ОСЕТИНА

И аланом, и нартом бывал я.
Эту землю свою воспевал я.

С Октябрем — в незабвенную пору —
Со страной поднимался я в гору.

Над строкою Коста несравненной
Я склонялся порою военной.

Мчался с конницей Плиева вместе
По дорогам расплаты и мести.

Мое сердце в горах и ущельях,
Новостройках, полях, новосельях.

Ты мне друг, если друг нашим людям.
Если ж враг, то врагами мы будем.

Русский я, и грузин я,— в ответе
За все то, что творится на свете.

На Днепре и на Волге, как дома;
Как в Осетии, все мне знакомо.

Наше общее — шахты да пашни,
Выси гор и Кремлевские башни.

Белорус я, таджик я,— в ответе
За все то, что творится на свете.

Я гляжу с высоты Арарата,
Вижу издали щедрого брата.

Рядом землю трясет Дагестана,
А болит моя старая рана.

В нашем мире большом осетин я.
Хорошо, что такой не один я!

КЛЯНУСЬ ЗЕМЛЕЙ!

Слова бывают, как свет,
Как огонек над золой.
Мне говорил мой дед:
«Клянусь землей!»

Поля из конца в конец
Скованы жесткой зимой.

Мне говорил отец:
«Клянись землей!»

Незыблем закон земной
Под светом и подо мглой.
Мой сын, повтори за мной:
«Клянись землей!»

ПАХАРЬ

Отец работал за десятерых.
Пахал он от зари и до заката.
И, несмотря на семь годов моих,
Во мне не только сына видел,— брата.

Чтобы, малец, не падал я с коня,
Привязывал отец меня надежно
К коню, что был подобием огня
И глаз косил пытливо и тревожно.

Я четырех коней по ниве гнал,
И шли они, как бы четверостишье.
Отец мой — хлебопашец — дело знал,
Он не роптал, вставал в ночном затишье.

Как я ему завидовал, когда
Он в целину врезался острым плугом,
И по его следам — к звезде звезда —
По Млечному Пути тянулись цугом.

Теперь и сам я пахарь, и порой
Мне кажется, для дела нет предела.
Отец, не допущу я, чтоб тобой
Возделанная нива оскудела.

* * *

Улыбчиво, как бабушка на внуков,
Взглянуло солнце на вершины гор.
После дождя за лесом, полным звуков,
Односельчан моих раздался хор.

С отцом мы пашем землю. Он впервые
Вести мне самому позволил плуг.
Как подымались борозды живые!
Как все по нраву было мне вокруг!

Босые ноги по земле ступали,
Душа вкушала волю и простор.
Богаче в жизни был ли я? Едва ли.
Горжусь богатством тем я до сих пор.

* * *

Как дерево, лишённое корней,
Так осетин без осетинской речи.
Печален ход его житейских дней,
И радость жизни от него далече.
Я не хочу, чтоб в широте морской
Поток мой горный не был обозначен.
Живу по-осетински, я — такой,
Умру то-осетински, не иначе.

* * *

Осетин, который не ведает речи своей родной,
Похож на того путника, что летит со скалы ледяной.

Наследники осетина, не знающие Коста,
Подобны холодному дому, где печь и в стужу пуста.

Осетин, забывший обычай, который забыть грешно,
Похож на того, кто сеял поджаренное зерно.

ОСЕТИНСКАЯ ПЕСНЯ

Ночь. После боя — тишина.
Одни кузнечики стрекочут.
Не тишина — война, она
Владеет мною среди ночи.

Земля Германии. Мой слух
Песнь уловил, — краса и сила!
Песнь осетинская, ты вдруг
Сто лет мне жизни возвратила.

1945

В ДАРЬЯЛЬСКОМ УЩЕЛЬЕ

Весна над Военно-Грузинской дорогой.
И вот я опять озираю просторы:
С веселой отвагой, с пытливой тревогой
Народ отовсюду съезжается в горы,

С подножья Казбека глядит в поднебесье,
Как будто на дальний заманчивый берег,
Индийскою речью и чешскою песней
Сегодня увлекся стремительный Терек.

Берлинец берет «Осетинскую лиру»
И сердца Коста ощущает удары.
И Моцарт раздольно плывет по эфиру
По радио с башни царицы Тамары.

Автобус в пути догоняет «Победу».
А пропасти — рядом, как вечность бездонны.
Румын продолжает с индийцем беседу.
Их смех оглашает Кобинские склоны.

Шотландцы толкуют о том осетине*,
Кем сыгран Отелло, и рады удаче,
По просьбе поляков, что нас посетили,
Мы начали песню душевную «Тауче».

Мы счастьем дышали, как путник у цели,
И речь нашу русскую даль повторяла...
Как было нам тесно в Дарьяльском ущелье!
Весь мир поместился в ущелье Дарьяла!

МОЙ КОНЬ

Подобно яростным ветрам,
С ветрами, как всегда, на пару,
Мой конь, ты скачешь по горам,
А значит — по земному шару.

Я за тебя поговорю,
Я выскажу твою заботу.
Встречая раннюю зарю,
Выходишь первым на работу.

Подобно следу твоему,
Впечатан в небо след Арфана...**
Встречаешь ты ночную тьму,
Как бы просторы океана.

* Имеется в виду народный артист СССР В. В. Тхапсаев.

** Арфан — крылатый конь Нартских сказаний. След Арфана — Млечный Путь.

Мой конь, в каком таком бою
Мы недруга не гнали взашей?
И он у бездны на краю
Видал зарю победы нашей.

Ты одолел тяжелый путь!
То были крылья, а не ноги,—
Но вражья пуля у дороги
Мне угодила прямо в грудь.

И вдруг остановилось время,
И мир качнулся и затих,
И мне сквозь этой ночи темень
Сияли звезды глаз твоих.

Но вмиг я овладел собою,
И снова подо мной седло...
Ты уносил меня из боя —
От смерти в мир, где так светло.

Мой конь, болит бывшая рана,
И эта боль — в моих стихах.
Огромен, словно след Арфана,
Твой след в горах и в небесах.

В поездках по родному краю —
Среди нагорий и равнин —
В ракетный век я измеряю
Твоею мощью мощь машин.

БОЛЬ ЗЕМЛИ

Тяжек груз!.. Отдохнуть бы не грех!
День мой труден и век мой так грешен.
Для одних я, что грецкий орех,
Для других я, что горский орешек.

Я устала от выпреенных слов,
От убийственного металла,
И от ноши прошедших веков,
И от взрывов подземных устала.

Хватит! Царства держу на плечах,
Горы, села, пустыни, столицы.
Я вся в трещинах, шрамах, рубцах,—
Как похожи они на границы!

СЛЕПАЯ ЛАСТОЧКА

Зимовага ласточка
Здесь, у нас в Осетии,
А ее товарищи
Отбыли на юг.

В сакле здесь, в Осетии,
Словно гостью встретили —
Одиночку-ласточку —
Сберегли ее.

Снова дни веселые
К нам пришли в Осетию,
И друзья той ласточки
Прилетели к нам.

Провода, как жердочки,
Оседлали ласточки,
Быстрые, веселые
Собрались на пир.

Встрепенулась ласточка,
Увидав товарищей,
И уселась ласточка
Равной среди них.

А друзья-товарищи
Пели песню ласточке,
Но обычай птичий их
Позабыла та.

А друзья-товарищи
Щебетали ласточке,
Но язык их щебета
Та не поняла.

И друзья-товарищи
Ласточку покинули,
И осталась ласточка
В горести одна.

И она глаза свои
Коготками вырвала,
И упала ласточка
Мертвой с проводов.

* * *

Улетают птицы на юг,
Покидают по осени нас.
Над горами слышится звук:
«В добрый путь!», «В добрый час!»

А рожденные бурей орлы
Остаются у нас в горах.
Их гнездовья — отвес скалы,
Крутизна — их крыльев размах.

ОСЕННИЕ ПТИЦЫ

Покинули горы, поля покидаете, птицы.
В осеннюю пору куда улетаєте, птицы?
В печальный ваш час вы летите и плачете, птицы.
Какое же горе у вас, расскажите мне, птицы?
Вчера лишь так радостно пели вы песнь Иристону,
Теперь ваши песни подобны истощному стону.
О чем в этот миг, в этот час вы кричите так, птицы?
Какое же горе у вас, расскажите мне, птицы?
Весной вы певали сонаты свои и сюиты.
Теперь ваши песни тоскою дорожной повиты.
Напутствуем вас в горевую большую дорогу:
«С собою несите любовь нашу к вам и тревогу.
В ущельях увидите солнце и коврики света,—
Присядьте на них и на миг вспомните вы лето.
Увидите Терек, его волохнистые нити,—
На миг, хоть на миг свои крылья в него окуните!
Сады и леса наши не забывают вы, птицы.
Почаще небес наших синь вспоминайте вы, птицы!
О мягкой траве осетинской, о жестком граните,
О горцах, друзьях ваших. память надежно храните».

О ВДОХНОВЕНИИ

Когда ты долго не являешься ко мне,
Бываю удручен, как при потере друга.
Хожу как бы по выжженной стерне,
Не вырвавшись из замкнутого круга.

Приди, дай выбраться за свой предел,
Встать подсоби мне над самим собою,
А нет тебя, и весь я не у дел,
Как воин без ружья в разгаре боя.

Ныхас — то место, где сидел совет,
Совет мужчин аула в старину.
И тот на нем терял авторитет,
Кто дважды новость рассказал одну.

Поэт, не такова ль твоя судьба?
Неведомое ты поведай людям,
Не то прервется дней твоих тропа,
И мы тебя наверняка забудем.

СОНЕТЫ ТАМАРЕ

1

Ты вышла из дому с букетом роз,
О нашей встрече ничего не знала.
О радость тайная, мне довелось
Узнать озноб, испуг, восторг начала,

Начала, за которым дни и дни.
Я понял: счастлив тот, кто ждет свиданья.
Не розы это были, а огни
Предчувствия и предзнаменования.

В глаза не розы бросились сперва,
А эти губы, щеки, эти брови.
На свете красота еще жива!
Я вспыхнул так, что не расскажешь в слове.

С букетом роз,— куда она идет?
И все-таки — кто он, счастливец тот?

Сиянье младшей из «Семи Сестер»*
 С трудом я уловил в свои ладони.
 В глубинах моря, на вершинах гор
 Я пзбывал в немыслимой погоне.

За жемчугом в погоне, за звездой,
 За всем, за всем немыслимым на свете.
 Гонялся за русалкой молодой,
 Ловил я золотую рыбку в сети.

Когда я двери растворил небес,
 То вдруг отпрянул: в некое мгновенье
 Я там увидел чудо из чудес —
 Виденье женщины, любви виденье.

О предвкушенье молодой мечты!—
 В намеке видел я твои черты.

Тебя увидев, я родился вновь,
 Чтоб мир увидеть новыми глазами.
 Из скромности своей не прекословь,—
 Ты мне открыла то, что за словами,

То, что за бытом — радость бытия.
 Но как же описать мне это чудо?!
 Был немощным — теперь стал сильным я.
 Откуда это? Отвечай, откуда?

* «Семь сестер» — так осетины называют созвездие Плеяд. Каждая из звезд названа женским именем.

Была неслышной песнь моя, и вдруг
Обрел мой голос высоту и силу.
Скажу «Тамара» — этот дивный звук
Произнесу я и сойду в могилу.

Но будем жить, и наших дней не счесть —
Все потому, что ты на свете есть.

4

Сильней всего быть захотелось мне
Счастливецem тем, властителем вселенной,
Над розами в полночной тишине
Петь соловьем для той благословенной,

Для той, что мне назначена судьбой.
Я без нее не стал бы жить на свете,
Не смог бы овладеть самим собой,
Не смог бы написать ей строки эти.

Посильное воздам в сонете ей,
А непосильное она внушила.
Синее стало небо, жизнь полней,
Лист зеленей... Откуда эта сила?

В руках Тамары это волшебство.
Что не в ее владениях — мертво.

5

Когда в ночи блеснет кольцо луны,
Я нахожу слова к ее сиянью.
Тамару вижу — все слова бледны,
И речь моя тогда — мое молчанье.

Проходит дождь, и солнце в небесах
Сияет так, как будто бы впервые,

Как блещут у Тамары в волосах
Живительные капли дождевые.

Заре подобна роза, к ней пчела
Летит с каким-то диким ликовањем.
Звонек, лечу,— Тамара в дом вошла,
И тихий дом наполнился звучаньем.

Присутствие Тамары для меня
Равно приходу праздничного дня.

6

Тамара, если б было мне дано
Твоей образ передать, поведать миру,
Как в жизни все тобой сзарено! —
На твой манер я перестроил лиру.

И лира зазвучала мне тобой,
Твоей голос в ней закнулся чудесно,
И песня за твоею шла судьбой,
По осетинским тропам, повсеместно.

По всем ущельям, перевалам ты
Бела мою внимательную песню,
Взбиралась ты на снежные хребты,
Рвалась неодолимо к поднебесью.

О песнь, соединившая двоих,
Легко летать мне на крылах твоих.

7

Живу в надежде, радостью томим,
Что я людским сердцам прибавлю свету.
Но как же мне внушить словам своим
Любовь мою,— вместят ли глыбу эту.

С тобой в разлуке не видать пути,
Слух меркнет, и глаза мои незрячи,
И трудно мне дорогу перейти,
И дальше жить — нет тяжелей задачи.

О, как мне без сиянья глаз твоих,
Без слов твоих, без твоего совета,
И если смерть — подарок на двоих,
Я до тебя хочу уйти со света.

А смертный час придет — побудь со мной,
И тем ты скрасишь мой конец земной.

8

Известно, что не вечен человек,
Но вечен добрый след его на свете,
И так сложилась жизнь моя, мой век,
Что вечность не имел я на примете.

Я знал свой день, и был я верен дню,
И день мой украшала мне Тамара,
Но все же вечность к своему огню
Звала меня, чтоб истинного жара

Не обойти, чтоб руки обожгло,
Чтоб добела мне накалило душу,
Чтоб землю сквозь чудесное стекло
Увидел, и моря ее, и сушу.

Я был рабочим в кузнице времён.
Меня поймет лишь тот, кто был влюблен.

9

Нет имени, красивой и полней
Передающем женское начало.
Оно как цвет, как запах вместе с ней,
Оно мне лучшей песней прозвучало.

Царица Грузии была Тамар.
Ее глаза — сказать обидно, — броски,
Они испепеляли — сильный жар.
И ты не уступаешь славной тезке.

Никак не нагляжусь я на тебя.
Душа не утолила жажды видеть.
Ревнуя и робея, и любя,
Я чувствую, как прав он был — Овидий*.

Когда, друзья, родится дочь у вас,
Тамарой назовите — в добрый час.

10

Да будут мне ошибки прощены.
И ты, прошу, Тамара, мне прости их.
Я шел к тебе сквозь возгласы весны,
И я искал, как ключ, слова простые.

Слова такие, чтобы воплотить
Твою улыбку и твое молчанье,
Для этого поэту стоит жить
Под властью красоты и обаянья.

Мне кажется: все женщины земли —
Тамары под другими именами —
Тебя самозабвенно сберегли,
Как образец, сияющий над нами.

Я за тобою следом шел, любя,
Чтоб сердцем и умом воспеть тебя.

1963

* Публий Овидий Назон — великий поэт «Золотого века» римской литературы, певец любви.

СКАЗАНИЕ О ИГАСАВИЦЕ ТАУЧЕ

Пусть давным-давно это было,
Но о том молва не забыла.
Дай-ка я расскажу о том,
Заходи же в сказку, как в дом!

В те года на равнине Цалы́ка
Лес дубовый угрюмо и дико
Подпирал небеса, как скала,—
А скала неприступной была.

А листва-то легко шелестела,
А бывало, что в гневе гудела.
А какая же в солнечный день
Укрывала здесь путника тень!

А какие здесь песни звучали!
Как в сердца глубоко проникали!
Кто из здешних источников пил,—
Ощущал шевеление крыл.

Крылья шумно росли за спиною.
Все зверье здесь жилось земное.
Здесь о лес расшибались ветра.
Не начать ли нам сказку?
Пора!

Слышишь вспышки ружейного гула?
Это где-то в горах Заманкула
На охоту пять братьев пошли,
Пять сынов осетинской земли.

Черыко́евы — славные братья,
Нет такого на свете занятия,

Что бы не было ведомо им,
Черыкоевым, всем пятерым.

Как зерно свое веяли братья!
Как пахали и сеяли братья!
Как — сыны осетинской земли —
Свою землю лелеяли братья!

Как боялся владетель-алдар их!
Как алдару был страшен удар их!
В плечи втягивал толстую шею,
Видя братьев, — могучих и ярых.

Говорят, на поляне зеленой
Братья замок воздвигли такой,
Что о нем не сказать ни ученой
И ни сказочною строкой.

Высота. Красота. Загляденье.
Как такое построить смогли!
Всюду славились труд и уменье
Их — сынов осетинской земли.

И сестрица росла у них — Тауче,
Баловница росла у них — Тауче,
Нет красавицы в мире такой,
Чтоб сравниться могла бы с ней — с Тауче.

Кто ее повстречает впервой,
Тот отдаст и мошпу, и жилье,
И души благодатный покой,
Чтобы снова увидеть ее.

Но еще не родился на свет
Тот, кто стал бы ей мил навсегда,

Тауче всем говорит свое «нет»,
Никому не ответила «да».

Повторять бесполезно мольбу!
Проиграл — не пеняй на судьбу!
К сердцу Тауче кто знает тропу,
Кто к нему прорубает тропу?

Есть светелка в том замке одна,
Днем и ночью сверкает она.
Тауче в этой светелке живет,
Песня Тауче далеко слышна.

Как пост в ее пальцах игла!
Мастерицею Тауче была.
Нет нигде мастерицы такой,
До чего ж ее пряжа бела!

До чего ж ее пряжа тонка!
Как летает над пряжей рука!
Как рождается это шитье
В удивительных пальцах ее!

Ах, какие плела чудеса!
Не тесемки плела,— небеса
Заплетала умело в тесьму
Вместе с песней своей на дому.

Здесь она в благодати труда
Проживала легко и светло.
Аульчане тянулись сюда
Поглядеть на ее ремесло.

Тут и там попевала она.
Что за бурки валяла она!

Ну а шила какие черкески! —
Нареканий не знала она.

А хозяйкой какою была!
Пироги-то какие пекла!
Ну а как их на стол подавала,—
Обходительна и мила.

Что за пиво варила она!
Никогда не ходила хмельна,
Но другие мгновенно хмелели
От красы ее, как от вина.

Братьям, славно вершившим дела,
Черыковым честь и хвала.
Всюду братья бывали и всюду
Очень нравились разному люду.

И везли отовсюду дары
Для своей ненаглядной сестры,
И от сердца желали удачи
Молчаливой красавице Тауче.

Хоть не знали злосчастной тоски
Черыковы-холостяки,
Но о крове семейном мечтали,
Уезжая в далекие дали.

Бечй — старшему брату —
Больше ждать не советуют.
Сват за сватом
Спешат в Ингушетию.

В Шах-ауле
Сваты спешились.
— Милости просим,
Гости из Осетии!

Пир горою.
Яства в излишестве.
Если б и ты там
Был на пиршестве.

И вот с ответом
Сват за сватом
Едут, едут
За старшим братом.

Свадьба будет!
Пир будет!
Горы разбудят
Веселые люди.

Горы разбудят
Песней и танцем.
Печаль умчится.
Радость останется.

Но в Ингушетию приходит
На Черыковых навет,—
И вот, как говорят в народе,
Воздвигли башню из клевет.

Мол, мать их злюка, ведьма, шлюха,
Другой на свете нет такой.
Невыносимая старуха
С опасным глазом и с клюкой...

Какие сыпались проклятья!
Бечи, о свадьбе ты забудь!
Об этом услышали братья,—
Вмиг на коней и — снова в путь.

За ними ветер — не догнать их!
Все пятеро — они, как рать.
Неверно тот судил о братьях,
Кто думал: им не оглядеть

Невесты, — мигом отобрали
И увезли ее чуть свет,
Как бы трофеи с поля брани.
Но этим пятерым в ответ

Из Ингушетии немедля
Сыны воинственной земли,
Блестая гнезom, сталью, медью,
На Черыковых пошли.

Едва они достигли леса,
Едва утомили дух,
В тени под грушевым навесом
Им малый встретился пастух.

— Где Тауче? — шепотом спросили.
Пастух был тихим, как трава,
Но, повинувшись грозной силе,
Такие произнес слова:

— Вон, видите, пасется стадо,
Здесь Черыковых земля.
В том стаде отыскать мне надо
Овцу рябую...
Тра-ля-ля

Я заиграю на свирели.
И выбежит овца ко мне.
Деревья, слышите, запели,
Свирель услышав в тишине.

Гучи запели
Там в вышине.
Мне на свирели
Играть в полусне.

Мне на свирели
Играть по весне.
Горы запели
В голубизне.

Камни запели
У речки на дне.
Играть на свирели
Сказано мне.

Играй, свирель,
Сверкай, свирель,
В начале дня
Сияй, свирель.

На этот звук бежит овца
Ко мне, дает мне молоко.
Вот Тауче... Тауче у крыльца...
Здесь дом ее недалеко.

Вот Тауче выбежит навстречу
И словом и сияньем глаз
Меня приветит. Ей отвечу.
Пожалуй, вот и весь рассказ...

Он был доверчивей свирели —
Пастух четырнадцати лет.
Как вырвать силою сумели
У простодушия секрет!

Пастух смеется? Нет, он плачет.
Смеется, плачет — от души.
Как были счастливы удаче
Воинственные ингуши!

Они в засаде. Ждут мгновенья,
Когда охотиться пойдут
Пять гордых братьев. В нетерпенье
Ждут. О, как труден бег минут!

Когда сметает копоть ночи
С небес рассветная звезда,
Как сердце хочет чуда, хочет
Безумства, счастья — навсегда.

Когда уходит мгла ночная,
Спокойно Тауче — цвет земли —
Идет к крыльцу, еще не зная,
Что похитители пришли.

Пришли! Меж тем она игриво
Выходит на свое крыльцо...
Нет! Конская щекочет грива
Ее нежнейшее лицо.

Нет! Сжата жесткою рукою,
И ощущая круп коня,
Она над горною рекою
Летит проворнее огня.

Летит, как ветер над дорогой,
Еще не ведая куда,
Насквозь пронизана тревогой.
Летит, как по небу звезда.

Ей ветер раздувает платье,
Замотан шарф вокруг головы.

«Похищена! О, где вы, братья?
Кого там высмотрели вы?

Куда судьба меня унесит?
Какая жизнь мне суждена?
Не о такой ли смерти просят,
И чтоб скорей пришла она?..»

Всадники из Ингушетии
Спрятали красавицу Тауче
Там, где спала их мать,
Рядом с ней, дескать, будет хорошо.
Здесь Тауче будет в безопасности...

Никто ее не увидит,
Никто ее не похитит.
Что же приключилось?
Бросилась сразу же Тауче
К груди их матери
И прикоснулась к ней губами.
А обычай старинный таков:
Если даже кровнику
Удавалось коснуться
Грудь матери убитого им человека,
То тем самым он спасался от преследований,
Он как бы становился сыном
Этой женщины
И братом ее сыновей.

Мать обняла красавицу Тауче,
Позвала своих сыновей
И так им повелела:
— С этого дня Тауче
Мне — дочь,
Вам — сестра.
Слышали?..

Сыновья ничего не ответили.
Перечить не стали.
У горцев обычай незыблем.
Мать называла Тауче дочерью,
Сыновья называли ее сестрой.

Успокоилась Тауче,
Что ж, сказала, такая судьба.
Лишь бы, сказала, не было распрей
Между Осетней и Ингушетией...

А тем временем после охоты
Возвращаются братья. И вот —
Что их ждет? Не дела, не заботы,
Лютый гнев у порога их ждет.

Ждет их страшная жажда возмездья.
На коней! Скачут. Топот и гул.
«Нам ответят они за бесчестье!»
Вот он, вот, наконец, Шах-аул.

Казалось, вот-вот
С обнаженными кинжалами,
Сверкающими пенстово,
Сыплющими искрами,
Бросятся они на похитителей...
Вот-вот...

Но тут к ним вышла
Спокойная и полная достоинства мать
И бросила наземь платок.
Что такое?
Старики говорят:
Если женщина
Бросит к ногам дерущихся
И готовых уничтожить друг друга
Свой платок,

То ссора — как бы далеко она не зашла —
Сразу же приостанавливается. Все!

Старики-ингуши
У пяти братьев Черыковых
Просили прощения,
И те и другие постепенно успокоились.
Гнев сходил на нет,
Затихал, притухал,
Как обычай велит.

Ах, какой там был пир!
Не много, не мало —
Сто человек пировало.
Пир на весь мир!
А ингуши
Так гсборили:
— Ешь, пей, пойд, пляши,
Но Тауче пока не отдадим,
Сколько мы захотим,
Столько она и пребудет у нас,—
В добрый час!

Пять лет жила Тауче
Жизнью кана*
На правах
То ли дорогой гостыи,
То ли воспитанницы.
Росла, как цветок
На почве благодатной.

* Кан — в давние времена у горцев принято было отдавать сына или дочь в другую семью (иногда для прекращения кровной вражды). Теперь каном называют только что женившегося молодого мужчину, который после свадьбы первые дни гостит у шафера.

Тогда-то, семья никуда
И решила:
Нера вернуть красавицу Тауче
В родительский дом,
В отчий край.
Так и сделали,
Как порешили.
Весной порезали они Тауче
Домой в Осетию,
С подарками яркими,
С шутками-прибаутками,
А пир какой был!
Пир на весь мир.
Пир горой.
Яства в изобилии,
Если б и ты там
Был на пирушке!
День идет
И фарш несет.
Фарш — как это понять?
Фарш — это счастье,
Мир, благодать.
День ото дня
Становилась Тауче все краше.
Сватались к ней
Десятки и сотни
Отборнейших молодых.
Все не то.
Всех отвергала.
Да вот одному из них
Выпало счастье.
Молодсей, удалой,
Стройный, достойный,
Нестрогий, красивый,
До чего же умен
Был он,

Уроженец Эльхотово,
Славен род его,
Карсанов — звали его.
Так все вокруг величали его.
А до чего же он
И смел и умен.
Захочет, чтоб из сухой земли
Вода забила ключом,—
Забьет!
Все ему нипочем.
Вот!

Молва уверенно твердит,
Что это лучший был джигит.
Среди друзей он лучший друг.
Его друзей все шире круг.
Среди гостей он лучший гость.
И самый злой умерит злость,
Завидев издали его,
Услышав издали его.

Досталась ему в жены Тауче,
Стали они жить-поживать
На славу.

Однажды друг из Кабарды
Приехал навестить его,
И щедрый дом его узнать,
И Тауче повидать хотел.

И понял гость, что дом был щедр,
А Тауче красоты такой,
Что от сиянья этих глаз
Свои глаза он опустил.

И он Карсанову сказал:
— Мой друг, хочу, чтоб дочь моя
Училась у твоей жены.
У славной Тауче твоей.

Карсанов согласился. Друг
Прислал свою меньшую дочь.
И Тауче стала ей, как мать:
Учила, холила се.

И девочке хотелось быть
Во всем, как Тауче, во всем
Старалась Тауче подражать.
Они дружили — дочь и мать.

Любила Тауче дочь свою,
И дочь о матери пеклась,
И не хотелось ей домой,
Хотя вернуться бы пера!

Пора вернуться! В некий час
С почетом отвезли отцу
Ту девочку. И был тот день —
Печаль и радость пополам.

И Тауче в Кабарде была,
И Тауче песнь свою вела,
И на гармонике своей
Гостям играла всех живей,

Всех лучше. Славен был тот пир,
Тот пир прославлен на весь мир.
О, если бы и ты там был,
То вдосталь ел и вволю пил.

Сказали гости: — Нам пора!
— Не уезжай — ты нам сестра
И нашей дочери ты мать.
Опять сыграй и спой опять!

Сыграй и спой! — И пела 'та,
И красота, и чистота,
И доброта светились в ней.
Мы будем помнить много дней,

И много месяцев, и лет
Мы будем помнить этот свет,
И будет песнь о нем везде —
В Осетии и в Кабарде.

Ты красива, Тауче,
Ты правдива, Тауче,
Горделива, Тауче,
Всем на диво, Тауче.

Благоправна Тауче,
Свооправна Тауче.
Словно пава, Тауче.
Ходит плавно Тауче.

Белолица Тауче,
Мастерица Тауче,
Чаровница Тауче.
Кто сравнится с Тауче?

Тонкий колос — Тауче,
Звонкий голос — Тауче,
Черный волос — Тауче,
Мягкий волос — Тауче.

Кареглаза Тауче,
Остроглаза Тауче,

Блеск алмаза — Тауче,
Дочь Кавказа — Тауче.

Загляденье — Тауче,
Восхищенье — Тауче,
Упоенье — Тауче.
Вне сравнения — Тауче.

Песня отпылала.
Гости собрались.
Тогда один из старейших —
Знатный кабардинец —
Спросил навеселе
Отца девочки:
— А ты, друг мой,
Какой припас подарок
Красе земли — Тауче,
Чаровнице Тауче,
Мастерице Тауче?

Как гром среди ясного дня
Был этот вопрос.
— Простите, гости,—
Сказал он,—
Дороже моей дочери
Ничего нет у меня в жизни.
Тауче!
У тебя нет дочери.
Так возьми же мою единственную,—
Солнце мое!..—
Будто и впрямь его осветило солнце.
И он улыбнулся,
И он смахнул слезу,
Будто и впрямь на него налетела буря.

Не знала Тауче, что сказать.
Сказать? Не лучше ли молчать?

Нечаянная радость ей.
Негаданная сладость ей.

Как дочь, она пять долгих лет
Растила девочку, в ответ
На эти добрые дела
Она к ней сызнова пришла.

Пришла на долгие года.
А Тауче ею так горда!
В ней воплотились навсегда
Осетия и Кабарда.

Как Тауче, та была красива,
Как Тауче, та была правдива,
И, словно Тауче, горделива,
Всем окружающим на диво.

* * *

Пусть давным-давно это было,
Но о том молва не забыла.
Я, как мог, рассказал о том,
Хоть и сказка моя стара,
Ты вошел в нее, словно в дом,—
Значит, выйти из сказки пора.

АЛЕКСАНДР ЦАРУКАЕВ

* * *

Родился — и небо увидел я издалека.
А не потому ли, как небо, душа широка?

С высот я увидел скалу. Над скалою — орлы.
А не потому ли мой дух непокорней скалы?

В леса уходил я и думал о судьбах земли.
А не потому ли морщины на лоб мой легли?

Река серебристо текла — я видал с высоты.
А не потому ли стремленья мои так чисты?

Летящей стремительно птице я молвил: лети!
С тех пор и зовут меня властно дороги-пути.

Я с детства шагал с земляками по общей тропе.
С тех пор и причастен, Отчизна, к твоей я судьбе.

* * *

На горе — то ль отары,
То ль — полоскою — снег,
Ржавых листьев чинары
Растревоженный бег.

Суар-дон по камням
Распыляет свой гнев.
Чиж с невиданным рвением
Гомонит, не присев.

Гнезда пусты, и дерном
Скрашен леса уют,
И кричит ворон черный
Вместо птиц, что поют.

Лес, в осенней дремоте,
Погружается в сон.
Что ж его так заботит?
Что же думает он?

* * *

Небо до восхода солнца — чище нет на свете.
А душа ребенка — это вправду чистота.
Небо сажей не измажешь — безотказно светит,
А к ребенку не пристанут ложь и клевета.
Я в свой жребий верю с детства, — мигнут дни несчастья
О своей судьбе я миру песнь пою, любя.
Песнь моя, ты голос сердца, ты источник счастья
И никто уже не сможет замутить тебя.

* * *

Как вскрикнула ололи — птица ночная,
Так песню запел — в первый раз — и скворец.
Лиса убежала — жилища лесная,
Лес бурку откинул свою наконец.

Над балкою стелется дым, и в лощинах
Туман проплывает у самой земли.

От нежного шороха крыл голубиных
Еще не прокинулась серна вдали.

И ветры вершин не спустились в долины.
Бурьян над обрызгом ушел в полутьму.
Из нитей жемчужных на листьях малины
Усталое солнце не ткёт бахрому.

Дремучий мой лес, я твой сон не нарушу,
Пусть дремлют и граб, и береза, и клен.
Дыханье твое, твой покой, твою душу
Я чувствую с давних начальных времен.

ПОСЛЕДНИЙ СОНЕТ

Наверно, демоном был проклят я.
Иначе где бы взяться этой страсти?
Спускался с гор — крутая колея.
Блуждал в лесах — не знал такой напасти.
Днем звал меня далекий небосклон,
К костру спешил я сумрачною ночью —
Везде твой голос слышал, будто он
Мне явлен был, как эта жизнь, — воочью.
На дне морском и в облаках — сквозь сон —
Свет глаз твоих видал издалека я.
Твоей косою черной оплетен,
Я вопрошаю: есть ли ты — такая?
А вдруг — такую выдумал, любя?
Тебя искал, но не нашел тебя.

* * *

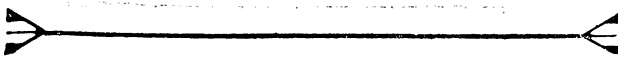
В глубину затона смотрит ива,
Холодна осенняя вода.

Над лесами тянется лениво
Облаков косматых череда.

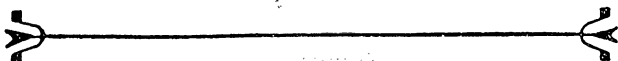
Но порой сквозь облачные щели
Солнце властно кажет пятерню.
Как мы все согреться захотели! —
Потому и тянемся к огню.

...Вот и мы вошли с тобою в осень,
Но по молодости не грустим.
Взгляд твой так целебен, плодоносен,
Что все дни мои согреты им.

МИХАИЛ ЦИРИХОВ

ТРУБКА УЩЕЛЬЯ

Глянь, ущелье курит трубку. Дым
По горам бросаю невесомо.
Мы идем со стариком седым.
Говорит: «Весна уже за домом».

Да, за домом соловьиный шелк.
Вся долина вдруг зазеленела.
До чего же яростен этот шелк,
Эта синь без края и предела.

Глянь, ущелье курит трубку. Путь
Я держу весной в ущелье это.
Мне старик сказал: «Открытым будь,
Смелым будь!» — Иду. В потоках света.

По дорогам я иду крутым.
Воздух полнится весенним звоном.
Как из стариковской трубки, дым
По ущельям стелется, по склонам.

* * *

Мое селенье! Сжатых рук —
Стена. Усилий наших — пик.

Гора — наш брат. Гора — наш друг.
Звезда над нею, как родник.

Папаха туч на синеву
Напялена из озорства.
В мое селенье всех зову,—
Людская общность здесь жива.

Тут слаще меда воздух, тут
Вода ручьев хмельней вина.
Гостинец гостю так несут,
Чтобы сказать: душа — полна.

Здесь младший до поры в тени,
Бойтся сквернословить он.
Густое пиво потяни
И вдруг в груди услышишь звон.

Лежит ущелье в тишине,
На скалах ледники лежат.
Как помогают горы мне
Встречать восход, встречать закат!

ПОДСНЕЖНИК

Как будто снег он срезал саблей
И светлячком сквозь снежный пласт
Проник, обветренный и зяблый,
Он выстоит и он не сдаст.

Хоть сыпьте на него метели,
Обрушьте глыбы синих льдин,—
Он в этой горской колыбели
Рожден, и здесь он властелин.

По склонам пляшет дождь
На ножках тонких.
Легко на горных пастбищах ему.
Он пляшет и поет,—
Из самых звонких
Та песня, что уходит в полутьму.

Из полутьмы — подбьем ярых сабель
Сняет радуга, трепещут остря.
Как жить без них,
Поющих этих капель!
Где пляшут капли,
Там пляшу и я.

БЕЗЫМЯННЫЙ ПЕВЕЦ

Где это было и когда случилось —
Погасло солнце, и затмилась цель,—
Не знаю я, но с скалу разбилась
В полнечный смутный час твоя свирель.

Давно случилось. Я хочу осколки
Свирели той собрать — не соберу.
Но звуки песни — их осталось сколько! —
Звучат средь скал — в ночи и пOUTру.

Средь скал витает звук. Простор здесь тесен.
Здесь тихо. Здесь ощерился гранит.
Ты новых здесь не сочиняешь песен,
Зато свирель разбитая звучит.

Один лишь звук... Но от него ущелье
Дрожит и смущает его, любя.
И весь простор, наполненный свирелью,
Твое лелеет имя и тебя.

ЗИМА ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Зима приближается... Вот за спиной
Я слышу рыданье метели.
Я взгляд ее вижу жестокий, стальной.
Страшит. Испугаюсь? Ужели?

Зеленой весной на дорогах страны
Сажал я деревья с друзьями.
Я чувствовал теплую тяжесть земли
И не уставал месяцами.

Зима. Побелела моя голова.
Но ствол еще крепок и ветви —
Глядите, какая трепещет листва,
Кипит в налетающем востре.

Испытаны дни молодого огня,
Земные, небесные недра.
И если весна обходила меня,
То осень моя была щедрой.

Зима приближается... Вот за спиной
Я слышу рыданье метели.
Но я отгону ее дых ледяной,
Чтоб дни мои не оскудели.
Очаг мой горит, и как прежде, со мной
Пыланье рабочей недели.

ЛАСТОЧКЕ

Еще зима на белом свете,
Хотя потрескивают льды.
Еще посвистывает ветер.
А ты,— зачем вернулась ты?

Не вовремя. Повремени же!
Я знаю — принесла весну.
Снега в ручьи бегут — все ниже,
Тепло уходит в вышину.

Земля еббирает снег подталый.
Твоя мне песня так мила!
Так прилетай, как прилетала,
Мой друг,— предвестница тепла.

ГИГО ЦАГАРАЕВ

ЮВЕЛИР

Ювелир, за все берусь я.
Что ж, вот этими руками
Я из солнца сделал бусы
И рассыпал по лугам их.

Ювелир я, сделал лето,
Серебристый дождик дробный,
Яблоки ковал из света
Солнечного — бесподобны.

Ювелир я, как уздечку,
Делал речку — честь по чести.
Бирюзовое колечко
Неба выковал невесте.

Из лучей соткал я нити,
А из них возникла лира,—
Не чудесна ли — взгляните!
Ювелир я, ювелир я...

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

Небо — неоглядная пустыня
Синезы, ни тучки, пустота.
От сухой его безводной сини
В воздухе и сушь, и пелота.

В мире жарко, нестерпимо жарко,
Жарко даже солнцу самому.
Встало над землей слепящей аркой
Марево, упершись в полутьму.

Вдруг скатились по лучам на землю
Капли золота,— смеется сад.
Этот дождичек слепой приемлю,
Я ему как в раннем детстве рад.

ТЕРЕКУ

Каменистый берег.
Я на нем стою.
Терек, славный Терек,—
Льешься в жизнь мою.

Соколом слетаешь
Прямо со скалы.
На заре светаешь,
Меркнешь в гуще мглы.

Слышишь голос дальний,
Провожаешь в путь.
И на холод скальный
Можешь жар плеснуть.

Мало тебе, мало
Тишины теснин.
Дышишь как бывало
Воздухом равнин.

И поешь ты с ветром
Песенку без слов.
И ласкаешь ветви
Вековых стволов.

СЕРГЕЙ ХУГАЕВ

* * *

Как ты красива! Да, как ты красива!
И счастлив тот, кого согрела ты.
Так колосится жизненная нива,
Так вырастают на земле цветы.

Жизнь такова: один из нас прекрасен,
Другой — урод. И это есть закон.
И это единенье од и басен,
Дней и ночей известно испокон.

А, может быть, тебе дав красоту,
Кого-то обделила ведь природа.
Ты вся цветешь, играешь на свету,
А кто-то там хохочет над уродом.
Но не гордись своею красотой,
Ты — часть, ты только часть природы той.

* * *

Я далек от каждого из вас,
Я говорю со всеми вами.

П а б л о Н е р у д а

Словно птицы, слетают листья.
Неподвижны, молчат деревья,
Словно ждут на пороге рая.

Шум сраженья издали слышен.
И, подобно маленьким башням,
Восковые теплятся свечи
В чьей-то бледной руке дрожащей.
А живых автомат считает,
А живых прошивают пули,
Чтоб причислить их к лику мертвых.

Мертвецы за живых в тревоге.
О, кому оплакивать мертвых?
Я кладу усталую душу
Изголовьем для них, погибших.
Смерть порядки свои наводит,
Шум сраженья издали слышен.
Ты, держащий в руках оружие,
Отвечаешь за судьбы мира!

Ты, мечта моя, осиротела,
Радость, вижу, ты захлебнулась.
Как наследник отцов ушедших,
Остается у нас надежда.

Вы обуйте мальчишек из Чили,
Накормите мальчишек из Чили,
И гитару — каждому дому
Вместе с песнею передайте.
Да, гитару мальчишке из Чили.

Шум сраженья издали слышен.
А мужчина шагает к смерти,
Он идет, опираясь на палку.
Мне мужчина такой не по нраву.
Мой герой погибает в битве.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Вот и последнюю песню пишу я,
Видя топор палача над собой.

М у с а Д ж а л и л ь

Ловлю я звуки резкие разлада.
Смерть угрожает нам: гори-сгорай!
Раздастся выстрел, и душа из ада
Без пересадки угораздит в рай.

Я строил планы. Их настроил столько!
Их, как невесту, я оберегал.
Я защищал их терпеливо, стойко,
Не отдавал их чуждым берегам.
Что делать?
Песнь рождается в смятенье,
Пульсирует, вся — в жажде бытия.
Перед врагом не стану на колени,
После себя оставляю песню я.
Последней ночью завершится песня,
Последней песней завершится ночь.
Песнь — лучшая из жалоб поднебесья —
Живым послужит, сможет им помочь.
Живые будут знать о нашей горе,
Когда им песнь расскажет до конца
О камере, скрежещущем затворе,
О сгустке смертоносного свинца.
Предательство? Что может быть поганей!
Боюсь, что люди этот мир сотрут.
Враги все беспощадней, окаянней
Готовы посягнуть на жизнь, на труд,
На память... Оставляю песню людям,
Она придет на отчий мой порог.
Она поведаст о часе лютом

В тот час, когда б я говорить не смог.
Без переводчиков я объяснюсь с народом
От сердца к сердцу и наедине...
А, может, будут меркнуть год за годом
Мои слова и память обо мне.
Там, за порогом жизни,— мрак и стужа
И, может статься, ждет меня беда:
Подруга жизни позабудет мужа,
И дочь отца забудет навсегда.
Один, уйдя, оставит людям славу.
Другие же — отраву... Я умру —
Оставлю песню. Песню! Не забаву.
Она живой восстанет поутру.
Я мстителем ее оставлю, чтобы
Она родные берегла края.
В ней будет злость, но в ней не будет злобы.
Последняя, прощай же, песнь моя!

МУЗАФЕР ДЗАСОХОВ

МАРТ

Щит между зимним деньком и весенним
Март продырявил — то видно по теням,
По холодам (отступают они,
И удлиняются медленно дни),
По источенному каплями снегу.
Гнезда скворцы занимают с разбегу,
С лёту, но где-то таится метель
(Тихо легла под осину, под ель).
Снег вдруг просыпется, но от теплыни
Тонет и тает в разбуженной сини.
Все, что нам снилось, горит наяву.
Головы вскинув, глядим в синеву.
Никнут сугробы, растоплены льдины.
Люди и ветры, и небо — едины.
Щит между зимним деньком и весенним
Мартом разбит — это видно по теням.

* * *

Тень от твоих ресниц лежит на мне,
Хотя ты в стороне, на расстоянии.
С моей суровостью наедине
Оставило меня твое молчанье.

Ты хмуришься, черты твои тверды.
Как будто шепчешь: «Ближе не позволю».
Коль берегут от рыбаков пруды,
То знай, что в них рыбешки вдосталь, вволю.

Ты будешь улыбаться мне опять,
Легко признав во мне единоверца.
Меня ты можешь взглядом отогнать,
Но не сумеешь вытравить из сердца.

Чем ночь темней, тем дольше песнь слышна.
Мне сабля в битве издали видна.

СНОПЫ

1

«Не хватает денег и похвал»,—
Жалуешься: — «Недостатков — тьма».
Но о том и слова не сказал,
Что тебе не достает ума.

2

Тебя я выбрал — каплю выбрал в море,—
Тебя одну среди других подруг.
А ты зачем так долго — мне на горе —
Не можешь выбрать одного из двух?

3

— Видать, безноги дети всех на свете
Безногих, видно, боги к ним суровы...
— Как бы не так! Иначе б твои дети
Все без сомненья были безголовы,

Ветви подняты в небесный пламень,
 Корни в гору погрузились, в глубину.
 Ухватилась ли сосна за камень
 Или камень ухватился за сосну?

Не там порой богатство ищем,
 Не то мы нищенством зовем.
 Уж лучше быть богатым нищим,
 Чем нищим богачом.

ТАНЕЦ

— Где ты блуждаешь
 Пытливым взором?
 Ближе, ближе
 К веселым танцорам!

Сердце — навстречу
 Цветенью природы.
 Пытай свое счастье
 В юные годы!

Танцуй как надо.
 Пляши на совесть,
 Не то — другие
 Заткнут за пояс.

Какие девушки!
 Все на славу.
 И ни одна из них
 Не по нраву?

Поднимешь руки —
Они что крылья,
Придет веселье
И без усилья.

У каждой из девушек
Доброе имя.
Что ж, на носках ты
Лети за ними!

Не угадать вам,
Кто здесь всех краше.
Есть пламень сердца,
И он не страшен.

К чему плясать мне? —
Скажу правдиво:
Ведь пляшет сердце,
И это диво!

ОБЫЧАЙ

В горах не бывает
Незваного гостя.
Здесь гостя встречают
По братски тепло.
Напутствуют гостя
Без злобы, без злости,
Чтоб в наши ущелья
Его бы влекло.

Никто не забыт ли?
Ты без промедленья
Всех вспомни, коль хочешь,
Чтоб в доме был мир.

Он крепок, обычай наш:
Без приглашенья
Твой брат не захочет
Явиться на пир.

В горах ты не встретишь
Незваного гостя —
Нежданные гости
Бывают у нас,
Тогда-то о лишнем
Подумаем тосте,
Да что там подумаем,—
К нам! В добрый час!

Обычай наш дедовский
Крепок поныне:
Незваного гостя
Не любит народ.
Ремень, — как затянут он
На осетине!
Лишь плотно поев,
Он на свадьбу идет.

Обжорство постыдно,
Как лень, как безделье,
Оно осетину к чему
На миру?
Скорей он голодный
Вернется с веселья,
Чем лишний проглотит
Кусок на пиру.

* * *

Судьба иных творений незавидна,
Лежат в пыли — они ушенены,

Обидно, а сказать, по правде, стыдно
Перед читателями всей страны.
А вот дошло бы дело до пожара,
Запахло бы несчастьем и бедой,—
Для книг таких не страшен пламень ярый —
Они насквозь пропитаны водой.

АХСАР КОДЗАТИ

ПОДНИМАЯСЬ НА ПЕРЕВАЛ

Лукавая петляет нить дороги.
А горы сверху вниз глядят, как боги.
Устали ноги. Мне идти вперед
Над пропастью? Отчаянье берет.
Как мне взойти на перевал? Попытка —
Не пытка. Я давно от чувств переизбытка —
Иду вперед, начало позабыв.
Как сладок был мне первый мой порыв!

Внизу Туаце. Родина! В деревне —
Мой дом — хадзар. Там в колыбели древней
Колышутся мечтанья детских лет.
Одни еще со мной, других уж нет.
Ослеп хадзар мой — стар — прошли все сроки.
Давно сопрела крыша из осоки.
Огромен мир — и как не знать о том!
Глазами сердца вижу отчий дом.
Моя весна, прощай! В душе тревога.
«Пойди и не вернись» — моя дорога,
Дорога сказок. Я на перевал
Принес с собой все, что умел и знал.
О середина дней! На перевале
Коня попридержу. Мне ближе стали
Вершины гор. Я в свете этих гор
Полней увидел весь земной простор.

Грядущее и прошлое — два ветра*,
Как туры, встретились в потоках света.
Терпи, и будь, что крепость на горе,
Или, как крот, сиди в своей норе.
Забыв про злобу, зависть, месть и смуту,
Клади на землю ношу на минуту
И вновь кати к вершинам камни дней,
Чтоб строить радость из таких камней.

КОСТА

1. Говорят поэту

Коста, расстанься со своей тревогой
И гневом. Ты зачем кричишь, Коста?
Веками люди шли своей дорогой,
Их повернуть — задача непроста.

Пучина времени сурова, ты же
Запрудой встал у горя на пути.
Тому несешь добро, кто так бесстыже
Тебе не разрешал добро нести.

О гибели Осетии кричал ты,—
Не к мертвым,— крик не доходил к живым**.
И тот, с кем нынче горе разделял ты,
Тебя же завтра назовет дурным.

Твои глаза черны, в них скорбь ирона***
Таится, чтобы выбрызнуть огнем.

* Замечено, что на перевале сталкиваются два противоположных ветра.

** Истоком образа послужили слова К. Хетагурова «Крик слышен мертвым» из стихотворения «Тревога».

*** Ирон — осетин.

И чудится тебе, что у дракона
Ты вырвал фарн и утвердился в нем.

Ты обманулся. Ничего не требуй
И словом никому не угождай.
Не отзовутся ни земля, ни небо.
Все, все перемешалось — ад и рай.

Зачем ты страсти заключил в оковы,
Пренебрегаешь радостями дня.
Давай сыграем жизнью, будто словом.
Жизнь коротка,— сказали до меня.

2. Говорит поэт

Душа моя чиста, как высь Христова*
И как ледник — племянник солнца**, Все ж
Она поизносилась — вновь и снова
Ей этот мир окрестный невтерпеж.

Прислужники. От них житья не будет.
Их злобе ни конца, ни края нет.
В узде народ мой. Притомились люди
От гнета, гнева, горестей, клевет.

О нашу честь подошвы вытирали
Пришелец-князь, в ненастный день злодей,
И недостатка не было в печали
Изглоданных заботами людей.

Из сердца моего, как бы отвага,
Песнь вырвалась и, полыхнув огнем,

* Гору Казбек осетины называют вершиной Христа.

** «Ледник — племянник солнца» — осетинская поговорка.

Обрушилась, и скорбь иронвандага*
Пошла набатным гулом по земле.

Я пел, и чаша звучная фандыра
Была полна мелодий,—их не счесть.
Уж лучше выпить всю отраву мира,
Чем потерять достоинство и честь,
Чем из карьеры сотворить кумира,
Глазами чрева видеть все, как есть.

Уж лучше сумасшедшим прослыву я,—
Лжецом, шутом я не был никогда.
На честь народа посягнуть святую?
Уж лучше сгинуть — меньшая беда.

Не думая о славе, буду петь я.
Я буду петь, покуда осетин
Хотя б один останется на свете,
И если окажусь им я один.

ДЕРЕВЬЯ

Деревья, что бродячие певцы —
Задумчивы, лохматы и скромны.
Их гнезда, словно сумки тишины,
В которых благоденствуют скворцы.

Деревья в зной бросают на траву,
Как бурки, тени длинные свои.
Текут сказанья, как текут ручьи,
Про все, что происходит наяву.
Деревья, как певцы, на новый лад
О нас широколиственно шумят.

* Иронвандаг — старинный обряд оплакивания мертвых.

ЗЕМЛЯ ДЕТСТВА

Среди поля — дорога,
А по обеим ее сторонам —
Зеленые крылья,
Словно хочет земля взлететь.
Кусты и деревья —
Они, словно гнезда,
Которые хочет дорога
С собою забрать.
Гнезда
С их певчими птицами,
С их прозрачными каплями.
Прыгая через реки,
Весна спешит мне навстречу.

Слушай, весна моя!
Когда-то по этим стволам
Карабкался мальчик,
Мальчишка без шапки, босой.
Он ссорился вечно с чумазой девчонкой,
Но неожиданно-негаданно
В их детских сердцах
Поселилась какая-то странная гостья,—
Сильная гостья!

Моя зеленая весна!
Ты несешь миру благо:
Козлику — травку,
Пахарю — заботу,
Ростку — теплый дождь,
Влюбленным — страсть.

Почему же, ответь мне,
На ветках деревьев,
Где возрождаются листья,
Не повторяется детство?

Ах, весна,
Ах, надежда!

ПРЕДСМЕРТНЫЙ МОНОЛОГ ВАН ГОГА

Хозяин, властелин, владетель благ.
Чего еще вы от меня хотите?
Мой день окончен. В прах истерся путь.
Моя звезда испепелилась в небе,
А стебелек мой высох на корню.
Ледник тяжелый, грохоча, с горы
Уносит день мой в узкое ущелье.
Здесь на земле был пилигримом я:
Один, как перст. Бродяга. Без жилища.
Кров на вонючий омут променял.
С бродягами надолго подружился.
Я сердце, как бокал, по жизни нес,
Всех встречных щедро потчевал добром я,
За что в меня бросали камни. Так
Сдавил мне горло душный-душный город.
Железные, знать, у меня бока,
Что схвачены стальными обручами.
Такая притча есть: явился кот,
Сел на подол черкески у пророка
И задремал. Будить? О, нет. Пророк
Отрезал вмиг подол своей черкески.
О человек... Я на него глядел
Глазами прорицателя... И что же?
Руками подметал его пути,
За что прослыл безумцем. Да, безумцем.

Мое жилище — сумасшедший дом.
Детишки потешались над Ван-Гогом.
(Тот, кто ни разу не был без ума,
Видать, и при уме ни разу не был).
Властитель мира! Прямо мне скажи
Перед моим уходом: на том свете
Меня что ожидает? Ад? Но я
Уже там побывал, да не припомню,
Что видел — ад иль сумасшедший дом.
Рай? Полноте, властитель мира,
Спасибо, я узнал восторг мечты.
Я был на высях творчества,— и сердце
Сполна им насладилося.
Пусть теперь
Загробный рай вкусят другие...

КУЗНЕЧИК

Два вечера со мною был кузнецик:
Как свет зажжется, так уловит слух
Зеленые таинственные звуки...
Готов к прыжку, сидит на томе По*.

Что он нашел на этих пыльных полках,
В шкафу заплесневелом,— не скажу.
Он почему оставил круг друзей
В зеленом лоне солнечного лета?

Наверно, думает:
«Пурай любой
Посмотрит на себя и честно скажет —
Похож ты на кого?

* Эдгар По — американский поэт.

Над кем смеешься ты?
Саттí!*
Ряды твоих томов здесь, как солдаты,
Ты бледен, как страницы этих книг!

...Два вечера он забавлял меня,
Затем исчез,
Зеленый шайтаненок...

СРОКИ

Я, горемыка, назначаю сроки.
Живу надеждами:
Придет конец
Всей суете моей,
Он будет, как венец
Побед, удач, о коих эти строки.

Я к сроку прибавляю новый срок,
Как будто бы две жизни есть в запасе.
Вершина далека, и замысел неясен.
И дни мои пустились наутек.

И снова я в плену у суеты,
И снова скакуна готовлю к скачкам,
И он, к дарам привыкший и к поачкам,
Томится в ожиданье высоты.

Я чувствую, что кто-то надо мной
Хихикает: жил-был олень** на свете,
Дождаться срока — было на примете,
Но без хвоста остался, вскрикнув «ой!»

* Саттí и Баттí—герои народной юморески. Оба — предметы посмешища — смеялись друг над другом.

** Имеется в виду осетинская пословица: «Олень ждал срока, да остался без хвоста».

ВАСО МАЛИЕВ

* * *

Погасла звезда, но лучи ее все же
Сквозь долгие годы дошли до земли.
И женщины образ, знакомый до дрожи,
Угас и навеки остался вдали.

Создатель не смог сохранить на планете
Той женщины образ, что всех потрясал.
Он ищет его ввечеру, на рассвете,
В глубинах лесов и в глубинах зеркал.

На жизненном поле, на жизненной ниве
Твой образ уже нам нигде не найти.
Душа тебя ищет в печали, в порыве,
Но словно мираж, ты уходишь с пути.

Ты вместе с кострами, как память о лете,
Приходишь из детства, из дальнего дня.
Как вестница веры в слабеющем свете
Ты, словно волшебница, манишь меня.

* * *

Стоят столбы.
Струятся провода.
Известия бегут по проводам.

Смеется модница и без стыда
Лепечет вздор любовнику, а там
Позор подкрадывается, как вор,
И взяточник бубнит свое «ну-ну»,
И подхалим склоняет свой вихор
К ногам замзава — в тягостном плену
У лести...

По стесненным проводам
В дорогу вышла Правда по прямой,
Летит указ чеканно по складам,
Тревога поднимает голос свой.
По проводам струятся мед и яд,
Мелькают знаки власти и судьбы,
Поспешно сводки прессбюро летят,
Но никогда не слышат их столбы.
А вот сегодня...

Я услышал сам:
Дрожат в смятении — до немоты:
Послал любовь свою по проводам,
Но что ж не поднимаешь трубку ты?
Где ты, Роксана?
Может, дома нет,
А, может, в городе случайно нет,
У нас в краю тебя, быть может, нет,
На белом свете, может статься, нет...

НАЗЫМ

Сердце твое болело, нет слов,
Болело, как рана, от тяжких оков.
Я тоже болен болью твоей,
Огнем рассвета, пыланьем ветвей,
Росой на травах, криком дитяти,
Стоном умершего на закате,
Горем твоим (в нем — тишь и гром),

Нашей планеты злом и добром.
Тебя спрошу я — ответь, Назым,
Что делал ты, если часом ночным
Вдруг просыпался, а бездна зияла
Бедой, как горы после обвала,
Опустошенный, с болью в груди?
Поэт, ты мысль мою разбуди:
Разве счастье художника в том,
Чтоб в жизни бездонные глубины тайком
Душою уйти?.. Скажи, не твое ли
Надвое сердце давно раскололи
Стамбульской саблей?.. Двадцатый век,
Твое двуединство вобрал человек —
Он стал небесным, он стал земным,
Теперь отдохни от мучений, Назым,
В объятьях Отчизны моей тебе спится.
Отдохни, Назым, как слеза на реснице.

БАЛЛАДА О ДОЧЕРИ ЛЕСНИКА

Есть ли в мире краше дочки лесника,
Что пасла ягненка возле родника?

Нежный звук свирели плыл издали
И касался слуха дочки лесника.

Кто играл? Кто пел ей о своей тоске?
Молодой пастух пел где-то вдалеке.

«Где-то в знойном поле жадно ищет тень,
Ищет где напиться раненый олень...»

Но в ответ на эту песню пастуха
Девушка в насмешку молвила: «Ха-ха!»

**«Юноша-страдалец соседних земель,
Козопасу-старiku подари свирель!..»**

И тогда из уст в уста побежала весть:
Там вдали за перевалом место есть,

**И на этом месте, об острый гранит
Вдребезги разбитая свирель лежит.**

Ветер плачет, ветер свищет—свет ему не мил,
Там у края пропасти юноша застыл.

На траве, как глаз спросонок, блеснула роса,
Конь лесничего заржал, зарделись небеса.

Гей, тревоги вестовой, конь неудержимый твой,
Вскормлен ячменем, он скачет
за лавиной ветровой.

**Вон за перевалом там вдалеке видна,
Как летящий огонек, звездочка одна.**

**В радостной тревоге, слыша стук копыт,
Всаднику навстречу юноша бежит.**

«С чем примчался гость к нам — черная ли
весть,
 Светлая ли радость. Всадник, кто ты есть?»

Как журчит в теснине родничок, звеня.
Спешилась красавица, спрыгнула с коня.

Говорит: была, мол, дочь у лесника,
Что пасла ягненка возле родника.

И забот не знала, но в ее мечтах
Край один светился, в облачных дворцах,

Край тот был за лесом, край, где водопад,
Где летает беркут — гордым высям брат.

Край, где тур на землю смотрит с высоты,
Взгляд его исполнен скорбной немоты.

Там свирель разбилась, — разве соберешь?
Пусть покой покинет ту, что молвит ложь.

Далеко ли эта дивная страна?
Может, повариха пастухам нужна?

ШАМИЛЬ ДЖИКАЕВ

* * *

Кто, покорясь судьбе, сказал строкой скупой:
«На чьей арбе сидишь, того и песню пой»?

Нет, в Риме поздних лет алан — вне всяких правил —
Устроив нартский пир, свою свободу славил.

Свобода — бог его, он рабство отметал,
Монеты презирал — жалел на них металл.

Он более всего любил простор степной,
И песню воин пел, — она теперь со мной.

Той давней песни звук, подсказанный любовью,
Сегодня, как звезда — над нашим изголовьем.

Такой я человек, что и в кромешной мгле
О солнце буду петь, о счастье на земле.

Кто смеет говорить, склонясь перед судьбой:
«На чьей арбе сидишь, того и песню пой»?

ТУР

Я — дикий тур. Извечная вражда
Охотников карает род наш горный,

Без стонов умираем мы всегда
На высоте, мы ценим жребий гордый.

Мы — дикари. Безумцы мы подчас,
Не приручить нас даже вкусом соли.
С вершины голой не заманишь нас
На тучную траву, мы любим волю.

Нас любит солнце, синий окоем
Дает и вдохновенье нам и роздых.
Хоть мало, да красиво мы живем.
С высот срываясь, гибнем мы, как звезды.

РАЗГОВОР С СЕРДЦЕМ

Порой орла в полете схватит вьюга,
И ночь упрячет путника в тюрьму,
Но верю в светлый день и помощь друга,
И в солнце, что рассеивает тьму.

Я — родниковая вода и только,
А не вино, что украшает стол.
В словесной мишуре не вижу толка,
Не для потехи к людям я пришел.

Стою на камне над потоком, мнится,
В водоворот меня затянет он,
И скоро, как полет подбитой птицы,
Прервется неожиданно мой сон.

Порой, устав от бурового визга,
Я никну, чтобы душу вновь поднять.
Порой орел слетает низко-низко,
Чтоб воспарить на небеса опять.

Не размыкая жизненного круга,
Я в это верю: счастье ждет меня.
Но если зов мой не дойдет до друга,
Я мертвым камнем стану среди дня.

Так будь же, сердце, светлым, чистым, вольным,
Чтоб жизнь в тебя входила каждый миг.
Наполнись, сердце, звоном колокольным,
Чтоб звон твой неба синего достиг.

* * *

Мне Нарты с Чинтами* — великие по праву —
Оставили в наследство честь и славу.

Наследство всех грядущих поколений
Войн не боится и землетрясений.

Земля отцов! Я сотворен тобою,
Твоей историей, твоей судьбою.

Любовь и ненависть — повсюду с нами,
Они взметнули в небо наше знамя.

Земное знамя — пламенем на сини,—
Могущественней в мире нет твердыни.

Как младший сын, я одарен был щедро:
Родного языка раскрыты недра.

Его слова, что бусины желаний**,
Вино в кувшинах, молнии дерзаний.

* Герон осетинского эпоса.

** В осетинской мифологии бусина исполняет все желания ее обладателя.

Когда слова текут подобно меду,
Меняет камень вмиг свою природу.

Он золотом и шелком станет, камень,
Когда его коснется песни пламень.

Есть яхонт с жемчугом — о, как богат я!
Со мной легенды, песни, думы, братья.

КАМАЛ ХОДОВ

ВСПОМИНАЯ ОТЦА

Когда впервые я увидел свет,
Ты был на фронте, был в окопах темных,
И утешал товарища тех лет
В его беде и в болях неумных.

Когда бесценный треугольник твой
Читала мать,— лежал я в колыбели,
Но кажется, что дым пороховой
Шел на меня из огневой метели.

Когда я на ноги впервые встал
(Мне не было тогда еще и года!) —
Как срубленное дерево, ты пал
На землю, чтоб была на ней свобода.

Когда закрыла смерть твои глаза,
Ты что-то вымолвил. Чего хотел ты?
Какое слово ты успел сказать?
Сказать какое слово не успел ты?

ИЗ ДНЕВНИКА

Несправедливости на свете —
Не счесть — как много.
Два родничка — два глаза,
Полные любви,
За мною следуют везде.
Две истины, следящие за мной,
Хотят со мною встречи.
А я?
Даже не оглянусь.
Даже не отзовусь.
Мне милы совсем иные глаза.
Но они
Такой же
Мне платят жесткостью,
Безответностью платят.

Да, несправедливости на свете —
Не счесть — как много.
Если небеса
Отражаются в капле росы,
То почему бы и капле росы
Не отразиться в небе?!

ТВОРЧЕСТВО

Горжусь,
Когда случается бывать
Самим собой.
Когда и радости и горе,
Словно горы, величественны и велики,
Когда рыдаю по тому,
О чем дано мне знать лишь одному.
Когда бываю я один,
Никто меня не видит,—
Творю и тем горжусь.

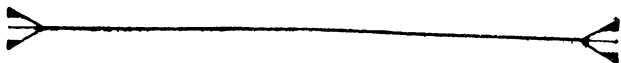
РАБОТА

Клянущу я незадачливостъ свою:
Там, где садамъ бы цвѣсть, зияетъ пустошь.
Охота петь, но глухо я пою,—
Безъ тетивы, видать, стрелы не пустишь.

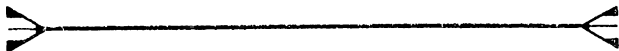
Видать, къ себѣ не слишкомъ былъ я строгъ.
И вотъ отравленъ горечью досады:
Что сдѣлалъ я? Что сдѣлать бы я смогъ?
Года идутъ, и нѣтъ годамъ преграды.

Работою я встану надъ тоской,
Поверхъ своей подавленности гляну.—
Увижу горизонтъ — подать рукой.
Онъ такъ далекъ. Но я его достану.

ПО МОТИВАМ НАРТСКОГО ЭПОСА

ЗОЛОТАЯ СВИРЕЛЬ

Легенда об Агунде

или — верней—сказание об Агунде и Ацамазе

Зеленеют вокруг просторы.
Тешат душу, радуют взор...
Красою Агунды красивы горы,
Агунда красива красою гор.

Но рано еще говорить об Агунде. Ее красота еще будет явлена миру. Не сразу, не вдруг откроется красота. Надо свой глаз и свою душу подготовить к ее сиянию. Агунда еще далеко. Но окрестные горы, небо, земля и птицы чувствуют ее приближение...

В утренней тишине полились звуки...

Положил Ацамаз на свирель свои пальцы,—
И запели они, словно горцы-скитальцы,
Как листва на ветру, как лучи на заре,
Задрожали, как отблески на серебре,
Как рассветное зарево, затрепетали.
Зазвучала свирель, и — ответили дали

Резким ревом зверей, что тянулись из нор
На простор, на обласканный песней простор.
Волки, видя отборных ягнят в изобилие,
Свои волчьи обычаи враз позабыли.

Туры грозно застыли, услышав мотив,
Зайцы подняли уши, о страхе забыв,
Даже змеи свернулись при звуках свирели
И, не помня о жалах своих, присмирели.

Небо стало светлей.
Так играл Ацамаз
На свирели своей,—
И об этом рассказ.

Покорились песне, как чуду,
Горы — зеленая колыбель.
Свирель Ацамаза слышится всюду.
Золото звуков сыплет свирель.

Поет Ацамаз на своей свирели,
Высвистать хочет думы свои.
Тучи задумались — посветлели,
И задержались в беге ручьи.

Ацамазовой свирели
Чуткие лады
Заблестали, зашумели,
Как листвою сады.
Зашумели, заблестали,
Как в реке волна.
Эту песню слышат дали,
Слышит тишина.

Восемь ладов на свирели наладил,
Восемь ладов заблестали окрест.

Пел — будто горы он пальцами гладил,
Песней он славил красу этих мест.

Разверзлась скала — появилось сиянье,
То вышла Агунда, чиста и светла,
К песне свирели, к ее звучанью
Руки простерла, как два крыла.

Как зеленеют вокруг просторы,
Как восхищают, как радуют взор!
Красою Агунды красивы горы,
Агунда красива красою гор.

Если красота — событие, то ее начало — здесь.

Два удивленных огромных глаза.
Не то испуг, не то волшебство.
И вот увидела она Ацамаза
И золотую свирель его.

И вот увидел Ацамаз Агунду,—
Не то удивленье, не то восторг.
И он из свирели в ту же секунду
Новую, свежую песню исторг.

Звуки скользят, к небесам взлетая,
Выше гор и нагорных льдов.
С черной насечкой свирель золотая,
Свирель Ацамаза — восемь ладов.

Увидел Агунду, и — сердце запело.
Увидел Агунду, и — сердце зажглось.
Смотрит он смело, смотрит несмело,
Страстью, как светом, пронизан насквозь.

Как зеленеют вокруг просторы!
Как восхищают, как радуют взор!
Красою Агунды красивы горы,
Агунда красива красою гор!

Звуки плывут легко и живо,
Слышит Агунда звонкую трель
И говорит: «Какое диво,—
Какое чудо — твоя свирель!

Словом небрежным тебя не обижу,
Песню свирели твоей любя.
Если смотрю на тебя — не вижу,
Если слушаю — вижу тебя.

Это прекрасно — утешить песней
Душу мою. Почему же умолк?..
Песни твоей я не знаю чудесней:
Звонка, словно речка, легка, точно шелк...»

А о самом Ацамазе — ни слова...
Песню свою прервал он, и — враз
Свирель разбил о скалу, и сурово
Прочь печальный ушел Ацамаз.

Замолк свирели весенний голос,
Осколки свирели лежат под скалой.
Песня, отчаявшись, раскололась,
Лишь отзвук ее парит над землей.

Осколки сверкают в расщелинах, в ямах,
Они сияют, нет им числа.
Все осколки — до мелких самых --
Агунда в отчаянье собрала.

Собрала — принесла их домой, и сразу
Слезамися горя клеила их.
О, если бы это знать Ацамазу —
Свирель стала прежнею в тот же миг.

Агунда тихонько в нее подула,
Не выпуская ее из рук.
Красным шелком ее обернула
И положила в девичий сундук.

Идет Ацамаз по дороге горной,
Идет Ацамаз, от печали тяжел,
Листва зелена, а кажется черной.
Желт, а кажется синим ствол.

Видит: едут навстречу дуаги,
Зеды едут навстречу ему,
— Ну что, Ацамаз, человек отваги,
Идешь ты к полдню, как будто во тьму.

Что, Ацамаз, сутулишь плечи?
Что приключилось с тобой, Ацамаз?
— Мне на Сана* взобраться легче,
Чем начать о себе рассказ.

Где найду я для этого имя?
Тело мое и дух мой — в огне.
Будьте же сватами вы моими,
И Агунду сосватайте мне!

Сказано — сделано. Путники быстро
Повернули своих коней.
Скачут кони — сыплются искры,
Сливаются искры в цепочку огней.

* Сана — древнеосетинское название горы Казбек.

На конских крупах — алмазная влага,
Над конскими крупами — белый пар.
Спéшились возле хадзара Сайнага,
Рукоятью плети стучатся в хадзар.

Вышел Сайнаг. Бородою белой
Сверкнул: — Входите, гости-друзья.
— А мы прискакали со словом-делом:
Под стать Ацамазу Агунда твоя.

Благословишь их и—жить им богато,
Будет их жизнь красива, полна.
Груз на спине у каждого свата,
Не сбросит груза — согнется спина.

Дочь свою знаешь ты сам отменно,
Узнай Ацамаза — чудесен он.
Отец его жил достойно, степенно.
Нарт, охотник, красив, умен.

Находчив, ловок и хлебосолен.
А сын — Ацамаз — достоин отца.
Сейчас он печален, сейчас он болен
Болезнью, которой болеют сердца.

Свирель замолкла — ему тоскливо...
Гости безмолвствуют. Тишина.
Сайнаг — он слушал их терпеливо
И дочери все поведал сполна.

— Пускай пригонит он сто оленей.
И все однолетками быть должны.
Пригонит оленей и в то же мгновенье
Даст мне имя своей жены.

Сайнаг поведал гостям все это.
— Сто однолеток? — спросили те.

Никто со дня сотворения света
Не смог бы поверить такой тщете.

Гости встали: — Ну что ж, пора нам.
Все Ацамазу передадим...—
И кони, подобные горным буранам,
Рванулись — ветры навстречу им.

Ждал Ацамаз их под Черной скалою,
Всадники все рассказали ему.
— Сто однолесток! — гремит над землею.
— Сто однолесток! — льется во тьму.

— Сто однолесток! Но где их добуду?
Где свирель моя? Сам разбил.
Горный ветер, подобный гуду,
Был, как шелест весенних крыл.

Ушел Ацамаз в глубины леса,
Исчез Ацамаз на склонах гор,
И кочевых облаков завеса
Плотно прикрыла земной простор.

Вдруг облака загорелись, и сразу
Вспыхнул на склонах тревожный свет.
Где Ацамаз? Нет Ацамаза.
Где Ацамаз? Ацамаза нет.

По Ацамазу тоскуют просторы!
Закат горит на них, как костер!
Красою Агунды красивы горы,
Агунда красива красою гор.

И вот нартские юноши пошли на поиски Ацамаза,
луки со стрелами с собой захватили. Горы обыскали,
реки обшарили. Попали они в Черный лес. Устроили

под старым деревом привал. Настреляли косуль и оленей, разожгли костер. Исчезли видения гор. Вечер, ночь. А когда на костре шашлык стал зажариваться,— набрел Ацамаз на этот костер, на этих юношей. Рассказал им Ацамаз обо всем, все поведал. Решили юноши отправиться в поход на алдара Сайнага. По дороге встречаются они Афсати,— он был другом отца Ацамаза. Афсати — владыка зверей. «Сотню оленей-однолеток тебе?.. Будет у тебя сотня оленей-однолеток... Ведь ты сын моего друга!» — сказал Афсати. И продолжил: «Пусть отправятся десять юношей-всадников в ущелье у горы Адай. Там они получают по десять оленей-однолеток на каждого. Только и заботы, что за ноги поймать...»

Из-под копыт вылетают искры,
Наподобие птичьих стай.
Десять всадников скачут быстро,
И вот прискакали к горе Адай.

Сто оленей и — все однолетки,
Как обещано,— тут как тут.
Идут они, раздвигая ветки,
К юношам-нартам они идут.

Сто однолеток ступают гордо,
Чтобы счастливым стал Ацамаз.
Эхо разносит по склонам горным
То ли песню, то ли рассказ.

Узнал Ацамаз о своей удаче —
Мгновенно вскочил на коня.
Конь летит, а не то что скачет,—
Как он пылок в начале дня!

Едет к Агунде свадебный поезд.
Солище на сбруе коней горит.
Речки нагериной искристый пояс
Повис на скале,— серебро и гранит.

Едут юноши. Спорят в дороге.
— А если Сайнаг не отдаст свою дочь?.. —
Идет дорога, растет тревога,
Словами делу не просто помочь.

Черная речка за поворотом.
Старая груша стоит за речкой.
Высокие травы под старой грушей.
На травы кинуты белые бурки.
На белые бурки садятся нарты.
Садятся нарты — избыть усталость.
А кони нартов вблизи пасутся.
А ветер веющий из ущелья
Заползает в волосы к нартам
И волос за волосом перебирает,
Будто бы это струны фандыра.—

Ветер из ущелья, вей!
Ветер из ущелья, пой
Для могучих сыновей.
Вей под крышей голубой
Над зеленою постелью,—
Ветер, ветер из ущелья!

Встали нарты. К Сайнагу-алдару
Сто оленей погнали в загон.
И все — однолетки. Такую отару
Не мог и во сне увидеть он.

Идут за алдаром они в гостевую.
Присели гости — стоим тишина.
Что думал Сайнаг в минуту такую?
Мысль его быстрою быть должна.

Сайнаг нахмурен. Опушены плечи.
Сукна верблюжьего смят бешмет.
Уастырджи молвил: — Без слова легче,
Но там, где «да» не бывает «нет».

Ужели ты оскорбишь отказом?
Ужели гостей не уважишь ты?
Твоя Агунда над всем Кавказом
Сияет доблестью красоты...

Добрый Сайнаг! Говорить ли тебе нам,
С чем приехали мы сюда?..
Сайнаг дал знак движеньем степенным,
Что все понимает. И начал: «Да!

Гости, из дней моей жизни этот —
Разве не самый радостный день?..
Но посудите: пришли вы с приветом,
А с вами пришла и тревоги тень.

Эта тревога — всегда со мною.
Видите — стар я, и только дочь —
Отрада моя и спасенье земное,
Одна лишь она мне может помочь.

Вижу, зима ко мне подступила,
У края могилы один я стою.
Где разум былой и бывшая сила?
Кто может утешить старость мою?

Оставьте Агунду дряхлому старцу,
К тому же ей рано замуж идти...»
Встали гости — зачем оставаться,
Вольным воля, открыты пути.

Агунду тотчас обуяла тревога:
— С чем уехали гости, скажи?
Глянул Сайнаг на дочь свою строго,—
Будто в глазах сверкнули пожи.

Все поняла. Дверь распахнула.
Хлопнула дверью. И прочь ушла.
Сайнаг за нею. Спина сутула.
Глаза его застилает мгла.

— Куда уходишь, моя отрада? —
Нет слез солонес, чем слезы отца.—
Не покидай же меня, не надо.
Страданиям моим не будет конца.

Нет слова добрей, чем дочернее слово.
— Отец! — И вернулась в родной хадзар.
О, как отходчиво слово отцово!
Как доброта отводит удар!

— Моя своевольница, вижу ясно,
Что упорствую я напрасно.
Олени, они полюбились тебе,
Свирель золотая — награда в судьбе,

Свирель золотая с насечкою черной,
Голосом схожая с речкою горной.
А пуще всего — музыкант молодой,
Что прозван везде — Ацамаз удалой.
Я стар, и пожалуй, что нужен мне зять.
Готов Ацамаза я зятем назвать.

Есть старше Сайнага, но нет мудрее.
Он отроков шлет за гостями скорее,
И отроки сильно торопят коней,
И кони летят своевольней камней,

Валящихся с гор стремительней ветра
Со скоростью звука, со скоростью света.
Догнали гостей, говорят им: — Алдар
Всех снова Сайнаг приглашает в хадзар.—
Гости вернулись. Без лишнего слова.

Поняли все. Созывается пир.
Была беспредельною щедрость отцова:
Пира такого не видывал мир.

Песня! Где песня?

Но ей еще не пришла пора. Встает самый старый на
пиру седоглавый Татартуп и передает рог самому млад-
шему — Ацамазу. Подошел Ацамаз на зов Татартупа
и отпил из рога. И тогда все нарты уселись за фынг —
за стол-трепожник.

Сереброногие фынгы поставлены.
Яства такие повсюду прославлены:
По три пирога с начинкою сырной,
Шашлык исходит слезою жирной,
На березовых вертелах шашлык шипит,
Сколько б ни ел — не будешь сыт,
Шлепается пеною наземь спесиво
В ушастых кувшинах черное пиво,
Перед старшими ставят головы олени,
И олени смотрят на гостей в изнеможеньи,
Вареное мясо в деревянных решетках
Дымится, как горы на синих высотах.

Теплый пар, как туман рассвета,
Встает над пиром. Но песня не спета.
Но песня, как ромом наполненный рог,—
Переступает порог.
За песней одной — другая пошла,

И третья пошла. И нет им числа.
И вот подзывает Сайнаг Ацамаза
И говорит ему так: — Мой зять,
Радость Кавказа, печаль Кавказа,
Почему бы свирели тебе не взять,
Свирели,— она-то Агунде пела
Песню,— ты сю пленил мою дочь...
Отвечал Ацамаз: — Свирель присмирела,
Песня моя удалилась прочь.

Разбил я о камни свирель золотую.
С черной насечкой свирель разбил.
Песню заслышу — сердцем тоскую,
Хочу взлететь я, да нету крыл.

Слышит Агунда слова печали своего жениха,—вздригнуло сердце, побежала она в свои покои, открыла сундук свой девичий и достала из красного шелка золотую свирель Ацамаза. Блеснула свирель, как полоска зари, отраженная в горной речке. Золотая свирель с черной насечкой.

Бежит к Ацамазу — свирель подает.
Просиял Ацамаз. Восхитился. И вот
Восемь ладов на свирели наладил,
Восемь садов заблестали окрест,
Так, будто горы рукою гладил,
Песней славил красу этих мест.

Как зазвенели вокруг просторы,—
Каждый цветок, каждый бугор!
Красою Агунды красивы горы,
Агунда красива красою гор.

Гости вторили песне старой,
Новая песня лилась, как река.
А стадо оленей в загонах алдара
Вскинуло кверху ветви-рога.

Ветви-рога — наподобие рощи —
Зашевелились той песне в лад.
В хадзаре гости, — чего же проще? —
Ноги сами плясать велят.

Сплясали в хадзаре — выходят на воздух,
Танцор к танцору, к другу друг.
Вместе с наргами пляшут звезды,
Малый круг — большой круг.

Так плясали они неделю,
Час за часом, день за днем.
Веселье вздымалось подобно хмелю,
Чаши запрокидывались вверх дном.

И вот, наконец, под руки ведут невесту — Агунду, сажают в серебряную повозку, запряженную в семерку быстроногих, ветвисторогих оленей. И вот олени летят бурей, а вслед за ними — всадники, а вслед за всадниками семь бычьих упряжек, семь грузных повозок с невестиным добром — золотом и серебром. Ехали, ехали и вот — доехали. В селенье нартское. Ведут Агунду в хадзар, переступает Агунда порог, кланяется хозяйке Сатане. Славят гости Сатану, песни поют ей. И созывается пир на весь мир: подаются туши туров, шашлыки бараньи, кувшины ронга, бочки пива, что пе-

нится игриво. А хадзар восьмистенный, восьмибокий, широкий, высокий, славный хадзар. Свадьбу справляют в хадзаре, потом выходят за стены хадзара, и горы, и звезды вместе с гостями справляют свадьбу Агунды и Ацамаза, детей Осетии, детей Кавказа.

Ацамазовы пальцы затрепетали.
Зазвучала свирель, и — ответили дали
Резким ревом зверей, что тянулись из нор
На простор, на обласканный песней простор.

Волки, видя отборных ягнят в изобилие,
Свои волчьи обычаи враз позабыли.
Туры грозно застыли, услышав мотив,
Зайцы подняли уши, о страхе забыв.
Даже змеи свернулись при звуках свирели
И, не помня о жалах своих, присмирели.

Небо стало светлей —
Так играл Ацамаз
На свирели своей,
И об этом рассказ.

Звучит и звучит свирель золотая,
Свирель Ацамаза — восемь ладов,
И песня блистает, кверху взлетая,
Выше гор и нагорных льдов.

Как зеленеют вокруг просторы!
Как восхищают, как радуют взор!
Красою Агунды красивы горы,
Агунда красива красою гор.

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	5
--------------------------	---

Коста Хетагуров

«Если б запеть мне...»	14
Прощай	—
Песня бедняка	15
В новогоднюю ночь	—
Без пастуха	16
Привет	17
А-лол-лай	—
Дума жениха	18
Кто ты?	19
Синица	28
Лето	—
Шалун	29
Зима	—

Нигер (Иван Джанаев)

Думы Осетии	30
Ночь	31
Я не раб...	32

Харитон Плиев

Сон	35
---------------	----

Даут Дарчиев

Гор Кавказа побратимы	37
Весной погожей	38

Георгий Кайтуков

Битва облаков	39
Мизурская ночь	—
Грустная гора	40
Горная дорога	41
Дождь прошел	42
У могилы Коста Хетагурова	—
Смотрю на склоны Иристана	43
«Сколько замков на равнине...»	—
Из темного и тесного ущелья	44
Коста и Пушкин	45
Моему сердцу	—
Ракета	46
Моей земле	—
О красках	—
Мой аул	47
На вершине горы	48
Гора и Терек	—
Однажды утром	—
Зимние картинки	49

Гафез (Федор Гаглоев)

Да, я прои	51
Где человек, там фарн	52
«Земля моя славная...»	—
Слезы радости	53
«Ты — ветер, ты под небосводом...»	54
«Свистит коса...»	55
«Так повелось давно...»	56

На рассвете	56
Была бы я...	57
«Ночь. Позднее время...»	59

Максим Цагарасв

Монолог Коста	61
Памятник	—
Еще о солнце	63

Гриш Плиев

«Отчизна широка. Огромн мир...»	65
Пятый кинжал	—
Семь черкесок	66
Урузмаг и Сатана	73

Борис Муртазов

«Да, порядок в Осетии есть...»	84
Когда цветут бессмертники в Осетии	—
Скачки в горах	85
Песнь осетина	86
Клянусь землей!	87
Пахарь	88
«Улыбчиво, как бабушка на внуков...»	89
«Как дерево, лишенное корней...»	—
«Осетии, который не ведает речи своей родной...»	—
Осетинская песня	90
В Дарьяльском ущелье	—
Мой конь	91
Боль земли	92
Слепая ласточка	93
«Улетают птицы на юг...»	94
Осенние птицы	95

О вдохновении	95
«Ныхас — то место, где сидел совет...» .	96
Сонеты Тамаре	—
Сказание о красавице Тауче	102

Александр Царукаев

«Родился и небо увидел...»	119
«На горе — то ль отары...»	—
«Небо до восхода солнца — чище нет на свете...»	120
«Как вскрикнула ололи...»	—
Последний сонет	121
«В глубину затона смотрит ива...»	—

Михаил Цирихов

Трубка ущелья	123
«Мое селенье! Сжатых рук — стена...» .	—
Подснежник	124
«По склонам пляшет дождь...»	125
Безымянный певец	—
Зима приближается	126
Ласточке	—

Гиго Цагараев

Ювелир	128
Слепой дождь	—
Тереку	129

Сергей Хугасв

«Как ты красива!..»	131
«Словно птицы, слетают листья...»	—
Последняя песня	133

Музафер Дзасохов

Март	135
«Тень от твоих ресниц лежит на мне...» .	—
Снопы	136
Танец	137
Обычай	138
«Судьба иных творений незавидна...» .	139

Ахсар Кодзати

Поднимаясь на перевал	141
Коста	142
Деревья	144
Земля детства	145
Предсмертный монолог Ван Гога . .	146
Кузнечик	147
Сроки	148

Васо Малиев

«Погасла звезда...»	149
«Стоят столбы...»	—
Назым	150
Баллада о дочери лесника	151

Шамиль Джикаев

«Кто покорясь судьбе, сказал строкой скупой...»	154
Тур	—
Разговор с сердцем	155
«Мне парты с чиптами...»	156

Камал Ходов

Вспоминая отца	158
--------------------------	-----

Из дневника	.	.	.	.	.	.	.	159
Творчество	.	.	.	.	.	.	.	—
Работа	.	.	.	.	.	.	.	160

По мотивам нартского эпоса

Золотая свирель	.	.	.	.	.	.	.	161
-----------------	---	---	---	---	---	---	---	-----

ПОДНИМАЯСЬ НА ПЕРЕВАЛ

Переводчик Лев Адольфович Озеров

Редактор К. И. Бойцова
Художник Н. Ф. Василенко
Художественный редактор Х. Т. Сабанов
Технический редактор З. С. Мисикова
Корректор З. М. Тхапсаева

ИБ. № 649

Сдано в набор 11.06.81. Подписано к печати 18.08.81. ЕИ01629, Формат бумаги 70х90¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Гарн. шрифта литературная. Печать высокая, Усл. п. л. 6,73. Учетно-изд. листов 7;21. Тираж 3000 экз. Заказ № 10821. Цена 1 руб.. Издательство «Ир» Государственного комитета Северо-Осетинской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 362040. г. Орджоникидзе, ул. Дмитрова, 2. Книжная типография Государственного комитета Северо-Осетинской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 362011, г. Орджоникидзе. ул. Тельмана, 16.

II44

Поднимаясь на перевал: Из осетинской поэзии /Перев. Л. Озерова. — Орджоникидзе: Ир, 1981.— 180с.

В пер: 1 руб.

Переводы Льва Озерова стихов осетинских поэтов не случайны. Он бывал в Осетии, связан узами дружбы со многими писателями Иристонa. В сборник вошли стихи Коста Хетагурова и главным образом советских осетинских поэтов. Большинство переводов печаталось в газетах, журналах, антологиях, хрестоматиях.

В Осетии широко бытует обычай уважения к старшим. По принципу старшинства поэтов построен этот сборник стихов.

П $\frac{70403-68}{M131(03)-81}$ 41—81

840сет
С(Осет)